

18+

**В КОНТАКТЕ СО
ВСЕЛЕННОЙ**

Татьяна Загоруля
Виктор Лапушкин
Людмила Славина
Сергей Патов
Элиза Каменская
Виталина Устинова
Анна Казанцева
Мария Камушкова
Алесь Поплавский
Светлана Килиджан
Любовь Маркова
Александр Анюховский
Тамара Годунова
Вероника Богданова
Наталия Некрасова
Ольга Бажина
Татьяна Горецкая
Елена Полещикова
Елена Игнатюк
Пётр Золто
Мария Ибрагимова

Елена Фетисенко
Наталья Калинина
Ксения Алексеева
Елена Никулина
Сергей Анохин
Александр Некрылов
Анна Олейник
Виктория Палагичева
Ольга Яблоновская
Ирина Авраменко
Юлия Юкина
Елена Володько
Мария Яковлева
Алла Шведова
Марина Чаругина
Галина Костина
Анна Гаськова
Михаил Войтович
Ирина Арсентьева
Яна Лемберг
Лариса Хлопкова

**Светлана Курило
Ирина Шевчук
Арсений Сохов
Наталья Преснякова
Антонина Ащеулова
Алла Кречмер**

**В контакте со Вселенной.
Сборник современной
поэзии и прозы**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71112706
ISBN 9785006460362*

Аннотация

В сборнике «В контакте со Вселенной» собраны лучшие произведения современных русскоязычных поэтов и прозаиков: философская, гражданская, любовная лирика, реалистические и фантастические рассказы, сказки, легенды, публицистические статьи, посвящения любимым людям. Разножанровость и высокий литературный уровень произведений обязательно привлечёт к себе внимание читателей всех возрастов.

Содержание

Дорогие читатели!	11
Вероника Богданова	12
Разговоры со Вселенной	13
Сто слов о любви	15
Харону	19
Молчим...	20
«Два самых тёмных месяца...»	21
Блажь	23
«Я сейчас нахожусь в той поре...»	25
Жемчуга	26
Душа	28
Михаил Войтович	29
Непрожитые жизни	30
Тишина	32
Рядовые эпох	33
Мгновение с тобой	35
Майя	38
Мы куда-то идём...	40
Словно Вселенная...	42
Ирина Шевчук	43
Подранок	44
Ольга Бажина	62
Ноктюрн Осени	63

Про советский «Голубой огонёк»	64
Моя Мадонна	65
Внимаю музыке Весны	66
Закатное солнце	67
Над землёй волгоградской	68
Разливается песней былинною...	69
О фестивале «Троица на Бузулуке»	70
Сонет	71
Лесные дары	72
Июльская гроза	73
Ирина Арсентьева	74
В Россию через «окно Петра Великого»	75
Янтарик и Янтаринка	84
Я такое дерево...	90
Мотылёк	92
Вот и не верь рыбацким суевериям...	94
Александр Анюховский	97
Сенокос	98
Осенние листья	100
Тобой живу	101
Летним днём убегу от зноя	103
Весеннее настроение	104
Утро женщины	105
Я хочу	107
«Милая, красивая...»	108
Подснежник	109

Пустыри	110
Елена Полещикова	111
«Счастье можно измерить, а у горя нет дна...»	112
«Мы просто не умеем жить...»	113
«Наша жизнь в основном монотонна...»	114
«Жизнь соткана из множества контрастов...»	115
«Как мы скупы на добрые слова ...»	116
«Не хочется ни думать, ни писать...»	117
«Мы были молоды, дерзки, амбициозны...»	118
«Любая встреча в жизни неслучайна...»	120
Напутствие	121
«Я часы перестала носить...»	122
Елена Игнатюк	123
Исчезновение планеты Зента	124
Гостя из прошлого	133
Конец ознакомительного фрагмента.	140

В контакте со Вселенной

Сборник современной

поэзии и прозы

Авторы: Арсентьева Ирина, Бажина Ольга, Игнатюк Елена, Горецкая Татьяна, Алексеева Ксения, Анюховский Александр, Володько Елена, Поплавский Алесь, Калинина Наталья, Лемберг Яна, Патов Сергей, Палагичева Виктория, Килиджан Светлана, Полещикова Елена, Гаськова Анна, Некрылов Александр, Некрасова Наталия, Преснякова Наталья, Устинова Виталина, Маркова Любовь, Сохов Арсений, Казанцева Анна, Золто Пётр, Хлопкова Лариса, Ибрагимова Мария, Яблоновская Ольга, Костина Галина, Анохин Сергей, Шевчук Ирина, Каменская Элиза, Курило Светлана, Юкина Юлия, Фетисенко Елена, Богданова Вероника, Славина Людмила, Яковлева Мария, Никулина Елена, Ащелова Антонина, Чаругина Марина, Камушкова Мария, Войтович Михаил, Лапушкин Виктор, Авраменко Ирина, Кречмер Алла, Шведова Алла, Годунова Тамара, Загоруля Татьяна, Олейник Анна

Ксения Алексеева *Дизайнер обложки*

© Ирина Арсентьева, 2024

© Ольга Бажина, 2024

© Елена Игнатюк, 2024

- © Татьяна Горецкая, 2024
- © Ксения Алексеева, 2024
- © Александр Анюховский, 2024
- © Елена Володько, 2024
- © Алесь Поплавский, 2024
- © Наталья Калинина, 2024
- © Яна Лемберг, 2024
- © Сергей Патов, 2024
- © Виктория Палагичева, 2024
- © Светлана Килиджан, 2024
- © Елена Полещикова, 2024
- © Анна Гаськова, 2024
- © Александр Некрылов, 2024
- © Наталия Некрасова, 2024
- © Наталья Преснякова, 2024
- © Виталина Устинова, 2024
- © Любовь Маркова, 2024
- © Арсений Сохов, 2024
- © Анна Казанцева, 2024
- © Пётр Золто, 2024
- © Лариса Хлопкова, 2024
- © Мария Ибрагимова, 2024
- © Ольга Яблоновская, 2024
- © Галина Костина, 2024
- © Сергей Анохин, 2024
- © Ирина Шевчук, 2024

© Элиза Каменская, 2024

© Светлана Курило, 2024

© Юлия Юкина, 2024

© Елена Фетисенко, 2024

© Вероника Богданова, 2024

© Людмила Славина, 2024

© Мария Яковлева, 2024

© Елена Никулина, 2024

© Антонина Ащеулова, 2024

© Марина Чаругина, 2024

© Мария Камушкова, 2024

© Михаил Войтович, 2024

© Виктор Лапушкин, 2024

© Ирина Авраменко, 2024

© Алла Кречмер, 2024

© Алла Шведова, 2024

© Тамара Годунова, 2024

© Татьяна Загоруля, 2024

© Анна Олейник, 2024

© Ксения Алексеева, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-6036-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Нравится нам это или нет, но мы находимся в постоянной связи со Вселенной.

Вселенная общается или разговаривает с нами посредством знаков и символов. Этими знаками может быть что угодно: от птицы, летящей над головой, неожиданно услышанной мелодии или пришедшей на ум фразы до определённой последовательности чисел, повторяющихся неоднократно, утренних снов, кажущихся реальностью, или случайных событий.

Разговаривайте со Вселенной, когда вы чувствуете благодарность и счастье, потому что именно тогда вы идеально соответствуете её частоте.

Творческие люди особенно чувствуют пульс Вселенной и разговаривают с ней поэтическими или прозаическими строками, мазками на холсте или музыкальными символами на нотном стане.

О чём писатели разговаривают со Вселенной, можно узнать на страницах нового сборника современной литературы «В контакте со Вселенной».

*Ирина Коробейникова – редактор сборника,
президент Международного Союза
русскоязычных писателей.*

Вероника Богданова

Разговоры со Вселенной

...Еду на поезде глухой осенней ночью. В темноте купе расслабленно похрапывают чужие люди, волею судьбы определённые мне в соседи на краткое время путешествия. Мерно постукивают колёса. А мне привычно не спится.

Уставившись в непроглядную темноту за оконным стеклом, словно проваливаюсь в этот бесконечный мрак. Может, всё-таки засыпаю? Но нет! Я вдруг явственно начинаю различать в этой вселенской тьме звёзды – крохотные маячки мироздания. Они становятся всё ярче, и вот взгляд уже выхватывает из черноты очертания знакомых созвездий.

Отчего-то в поезде звёзды всегда кажутся более осязаемыми. словно можно легко дотянуться до них, если не рукой – то душой уж точно! И тянутся наши души, особенно одинокие в этот полуночный час дорожного бодрствования, к дальним маякам звёзд, пытаюсь передать им свою сокровенную тайну и зачастую заключённую в них боль.

Ведь делиться болью с людьми – значит, умножать в этом мире боль человеческую. А звёздам, возможно, давно уже погасшим, но по законам физики всё ещё видимым для нас, всё равно, где и что болит у нас в этот момент. Но их холодный свет действует успокоительно, словно гипноз.

И под влиянием этого гипноза я достаю из дорожной сумки блокнот и ручку, чтобы написать своё послание Вселенной.

ной. А о чём с ней говорить? Конечно, о любви! Она молча выслушает меня и никому не расскажет мои тайны. Вселенная умеет хранить секреты!

Итак, вот тебе, Вселенная, несколько моих тайн. В каждой из них – ровно сто слов. Пусть они станут крохотными туманностями где-то на окраине одной из твоих галактик. Той самой, где любящие души получают желанную анестезию в долгие душные ночи.

Но не перестают при этом любить! Ведь излечиться от любви – значит, погаснуть. И перестать светить, уничтожив ещё один маяк, дарящий кому-то свет в безнадежной пучине одиночества...

Сто слов о любви

Паучьи кружева

Плетёт жизнь-кружевница наши судьбы, хитрые узоры вывязывает. Только кто она: белошвейка или паучиха? – толком не поймёшь.

Кажется, вот сейчас тончайшее кружевное полотно легко скользнёт сквозь золотой ободок обручального колечка, обещающая дорогу гладкую, как оно само. Ан нет! Цепляются кружева невесть откуда взявшимися узелками, насмерть запутывают, словно паутина...

Душа человеческая – как эти кружева. Поначалу красоте узора дивишься, от восторга забывая дышать. Думаешь: вот оно, то самое, долгожданное!

И вдруг насаживаешься на ледяную иглу равнодушия беззащитным сердцем, лишённым панциря неприступности, и, как обманутый заманчивым светом мотылёк, понимаешь, что крылья уже горят, а паук – вот он, рядом, плетёт кружева в предвкушении жертвы...

Мифология

Скажите мне: зачем Прометей, зная о незавидной участи, которая его ожидает, добыл для неблагодарных людей огонь? Эх, болезненная всё-таки это процедура – скармливать орлу собственную печень...

Лучше незаметно добить её алкоголем, да?

А отчего Прокруст пытался подогнать всех под одному ему понятные стандарты? Возлѣг бы сам на своё ложе и оценил собственный рост в «прокрустовых» единицах. Возможно, и его голова оказалась бы лишней.

Раздели ложе с какой-нибудь чаровницей, глупый Прокруст!

А ты, Икар, о чём думал, взмывая прямо к солнцу на ненадёжных, наспех склеенных крыльях?

О любви! Только она окрыляет нас – и заставляет лететь ввысь, не боясь даже самых болезненных падений!

Сказка о заветном сундуке

Жила-была красна девица. Звали её Василиса, а Премудрая или Прекрасная – вам решать. Был у неё сундук заветный с нарядом красоты необыкновенной.

Порой открывала Василиса сундук, любовалась платьем, жемчугами расшитым, и мечтала о женихе: принце заморском на белом коне или Иване Царевиче. На худой конец, о богатыре, который от любой напасти защитить сумеет.

Видит однажды Василиса: по улице белый конь мчится, а на нём принц. Еле держится, лицо испуганное...

Кинулась Василиса его спасать, а сзади кричат: «Изба горит!» Обернулась – её изба, та самая, где сундук с платьем подвенечным!

Коня остановила. В горящую избу вошла. Сундук вынесла.

А принца и след простыл...

Как стать звездой

Одна девушка мечтала стать звездой. Чтобы деньги, слава, журнальные обложки, фотографии – пачками и поклонники – толпами.

Да только личиком девушка не вышла. И фигурка, прямо скажем, среднестатистическая. Бёдра с «ушками» да ножки от деда достались, который в кавалерии служил.

А работала девушка медсестрой в процедурном кабинете. Да так ловко у неё получалось пациентов колоть – что в вену, что, извините, в пятую точку!

Один болезный бизнесмен от такой виртуозной лёгкости исполнения уколов не обратил внимания ни на кривизну ножек, ни на бёдра а-ля «галифе». Глянул прямо в глаза медсестрички и выдохнул: «Звезда моя!»

А фотограф пригодился: когда паспорт меняла вместе с фамилией...

Откровенно...

Моя душа оказалась для тебя недостаточно тонкой. Ты не смог пораниться об неё до крови. А настоящая любовь бескровной не бывает.

Раньше я считала рифму «кровь – любовь» откровенно пошлой. Потом слово «пошлой» отпало за ненужностью, и осталось лишь «откровенно».

Только сейчас я поняла, что слово «откровенно» – тоже от слова «кровь».

Как же всё взаимосвязано в этом мире!

Душу пробовала заточить, как лезвие. А она порвалась...

Может, это не она была недостаточно тонкой, а ты спрята-
лся за непроницаемой бронёй?

От меня? От мира? Впрочем, это уже не имеет значения.

Ты пробуешь на тонкость другие души. А моя до сих пор
кровоточит...

Харону

Наше спасенье в том, что уже зима.
Скованы воды льдом, и Харона лодка
Вмёрзла в тот лёд, и лодочник глушит водку,
И на деревьях – снежная бахрома.

Сон невесом, но снится, увы, не нам.
Спячка для нас закончилась, мы – иные.
Видишь – снежинки кружатся кружевные,
И далека безудержная весна,

Та, что позволит вновь зашуметь реке.
Кто-то проснётся, кто-то с ней протрезвеет
И удивлённо вновь ощутить сумеет
Вёсла Харона в бледной своей руке.

Он будет ждать, но мы уже далеко:
Эта зима отправила нас в дорогу.
Знаешь, Харон, мы служим другому Богу:
Он по воде умеет ходить пешком...

Молчим...

Говорим о любви, запинаясь:
Мы об этом привыкли молчать.
Скажешь слово – и сразу же зависть
Раскалённую ставит печать,

Беззащитную плоть обжигая
Нашей в муках зачатой любви...
Нежеланная миру, нагая,
Умоляю, любая! – живи!

Ты – любовь, и тебе всё подвластно,
Ты превыше примет и причин.
Стерпишь всё! Но, от боли напрасной
Охраняя тебя, мы смолчим...

«Два самых тёмных месяца...»

Два самых тёмных месяца
Нас ждали впереди,
И вместо сердца – месиво
В истерзанной груди.

Стоят дымы белёые
Над крышами домов...
Ты запоздал с вопросами
Про прежнюю любовь.

Теперь уже – про прежнюю,
Ведь обратилась в дым,
Я лишь одной надеждою
Укроюсь от беды,

Как от дождя прощального
Под крыльями плаща...
Луны ладья отчалила,
И нету сил прощать.

Да и кому прощение
Моё согреет дом?
Два месяца – зачем они?
Переживу с трудом,

Но, отряхнув сомнения,
До света доживу!
Ночь – сердца откровение —
Удержит на плаву.

Блажь

Знаешь, желания наши – обычная блажь.
Ну, не исполнятся вовсе, – и что здесь такого?
Думалось раньше: полжизни легко ты отдашь,
Чтобы победы блаженства достичь неземного,

Вверх по ступеням к желанному счастью бежал.
Больно? Не в счёт, а бессонные ночи – привычка.
Сколько оставил за кругом? Да Бог с ним! Не жаль!
Жизнь будет завтра! Сегодня живём лишь в кавычках!

Ты от рождения верил то в джиннов, то в фей,
Предоставляя им право желанье исполнить.
Глядь, а на троне какой-то другой корифей,
Он фаворит. Ну а ты что хотел? И не вспомнить.

Не дотянулся твой невод до самого дна,
Где обитают и рыбки златые, и щуки...
Время желаний прошло. Цель вдали не видна.
Мы постигаем азы самой главной науки,

Той, где бессильны учёные разных мастей,
Где аксиомы доказывать надо порою.
Что же ты вновь от астрологов ждёшь новостей?
Шанс гороскопы сулят не ждунам, а героям!

Замер средь вечности. Мчался вперёд – не сбылось,
Остановился – всё то же. И где справедливость?
Разочарованных губит бессильная злость.
Знаю: ты сильный. А я? Просто не разозлилась...

«Я сейчас нахожусь в той поре...»

Я сейчас нахожусь в той поре,
Когда зеркало судит нещадно,
И когда ещё страшно стареть,
А судьба, словно нить Ариадны,

В лабиринты заводит, хотя
Выводить – её роль изначально...
Так стремительно годы летят
К дальней пристани вечной печали...

Я пока не смирилась в душе
С тем, что суд впереди неизбежен.
Тело – бrenно, а сердце – мишень,
И защитный каркас слишком нежен.

Нет, мишенью я быть не хочу.
Слышишь, небо? Ты примешь как данность,
Что ни снайперу, ни палачу
Я в последний свой миг не достанусь,

И, летящие с разных сторон,
Не коснутся меня ваши пули.
И доверит мне вёсла Харон,
И не спросит, куда мы свернули...

Жемчуга

А снега, как водится,
Были слишком белые
И глаза слепили мне:
Как по ним идти?
Вьюга хороводится...
Что же мы наделали?
Встану обессиленно:
Видно, нет пути

Мне туда, где искорки
По снегам – жемчужные,
Где полозья – струнами,
Кони дышат в пар,
Месяц снег неистово.
Я – слегка простужена,
Но такая юная,
Да и ты не стар.

Было время, помнится!
Были мы счастливые,
И летели птицами
Кони среди снегов...
Колокол на звоннице
Пел нам с переливами...
Не на кого злиться мне!

У меня врагов

От рожденья не было —

И сейчас не водится:

Все сулили искренне

Счастье да успех...

Достучусь до неба ли?

Вьюга хороводится,

Жемчугами-искрами

Вспыхивает снег...

Душа

Кто я? Да просто – душа.
Я бесконечна по сути,
Люди же, к смерти спеша,
Держат меня на распутье:

То в нечистоты макнут,
То отшлифуют до блеска...
Знать бы, когда будет суд,
Вдруг всё закончится резко?

Ссыплет остатки минут
Время, прощаясь навеки...
Чьи мне врата отомкнут:
В рай или в ад? Человеки!

Будьте ко мне понежней:
Я, хоть бессмертна, но всё же
В вечности плакать – больней...
Высуши слёзы, мой Боже,

Слабости людям прости —
Трудно им, скованным телом...
На перекрестье пути
Встретит их пусть тот, кто в белом...

Михаил Войтович

Непрожитые жизни

Сумрак. Сумерки,
Рваный свет сквозь прорехи небесные
Мир усыпал беспечными искрами;
Помнишь ведь, мы давно уже умерли,
И волнами бьёмся неистово
В эти скалы отвесные.

Росы. Россыпи
Жизни той непрожитой, непонятой,
Где не знали, что делать с крыльями...
Кто же мы и откуда, Господи,
Что скрываем за душами пыльными,
Прячем что под ладонями?

Годы, годные
Лишь на скуку да на проклятия,
Пролетели кометой стремительной;
Наши плёнки к началу отмотаны,
Чтобы путь свой короткий увидели
От прощания до зачатия.

Морось. Изморось
На полях ненаписанной повести
Лабиринтом становится каменным;
И столетья, шеренгой выстроясь,

Застывают суровым орнаментом
В состоянии невесомости.

Прозу праздную
Не услышат в грядущем безвременье,
Не расскажут промёрзшими глотками;
И как будто заразу опасную
Унаследуют Землю кроткие
С нерастраченным вдохновением.

Тишина

Давно забыли, что такое тишина,
И как целительны её живые струи,
Когда на море поднимается волна,
Впиваясь в берег еле слышным поцелуем.

Так дышит лес, не думая о завтра,
Так падает на землю снег,
Поёт одна без музыканта арфа,
И молча умирает человек.

Так звёзды спят в своём безмолвном вихре,
Так смотрят пики всех заоблачных вершин
В немом величии, размеренном и тихом...
Так светом наполняется кувшин души.

Вы вслушайтесь в её дыхание,
Поймайте этот безупречный ритм,
И ощутите лёгкое незримое касание —
Как будто вечность с вами тихо говорит.

Что здесь останется, когда и нас не станет,
Когда кричащий мир вдруг обратится в пыль?..
Всё зазвучит вокруг иными голосами,
Где тишина – единственная быль...

Рядовые эпох

Жизнь плоска —
На поверхности круг,
Сон туманный над вечным забвением,
Как и всё, что мы видим вокруг —
Лишь тоска
Пополам с удивлением.

Кто придаст
Глубину и объём
Блёклым мыслям в их мелкой ничтожности,
Кто погрузит нас в тот водоём —
Тайный пласт
На краю невозможности?

Скучен мир —
Слишком много томов,
Истрепались страницы несметные;
Больше нет здесь обильных даров,
Память стёрта до дыр,
Как подшивки газетные.

Вспыхнет век
Только мигом одним,
Что промчится с большим опозданием;
Станет ветром клубящийся дым,

И поймёт человек
Замысел мироздания.

Ключ найдут
От замков и дверей
К нашим грёзам, так и несбывшимся,
Чтоб избавить как можно скорей
От бессмысленных пут
Этих жизней приснившихся.

Всё уйдёт,
Перемелется в пыль,
Растворится в песках неизбежности...
А была ли та самая быль
В глубине тёмных вод —
Вероятность погрешности?

Встанут в строй
Рядовые эпох
На погосте пустынном и ветреном,
Пронесётся прощальный их вздох
Над остывшей землёй
И с восторгом, и с трепетом.

Мгновение с тобой

Дни сливались в недели,
Недели – в года,
И терялся твой след в поднебесье...
Звёзды снова мне пели,
Что время – вода,
Унесённая их странной песней.

Ты оставила метки
У обочины дней,
На границах чужих сновидений,
Я же, запертый в клетке,
Сторонился огней
В лабиринтах живых привидений.

Ты открыла мне двери,
Подобрала ключи
К одинокому рваному сердцу,
Холод смятой постели
Вдруг согрели лучи,
И от них никуда мне не деться...

Прожигает насквозь
Твой пронзительный взгляд,
Красота твоя гибель пророчит;
Слишком больно мне – врозь,

Нет дороги назад,
Где лишь злые постылые ночи.

Ты – и выход, и вход,
Совершенный сосуд,
Что таит в себе суть мироздания;
Глубина тёмных вод,
Вкус изысканных блюд,
Нежный трепет простого касания.

Из какого ты сна,
Каких дальних краёв
Прилетела восторженной птицей?
Там танцует весна,
Расцветает любовь,
Исчезают знакомые лица.

Там мы снова одно,
Там мы только вдвоём —
Ты всё ближе, родней и дороже,
Вместе быть не дано...
Пусть мы скоро умрём —
Мы об этом подумаем позже.

А сейчас – благодать,
На душе фейерверк,
Словно ангелов дивное пение —
Мне не жалко отдать,
Пока свет не померк,

Всё, что есть, лишь за это мгновение...

Майя

Безудержно солнце,
А греемся щепой,
И время смеётся
Над нашею тщетой,
Попытками втиснуть
В земные пределы
Небесные числа —
Знак духа и тела,
Над нашим упрямством,
Серьёзностью мудрой,
Убогим убранством
Под сахарной пудрой,
Над мыслью линейной,
Системой подсчёта,
Над бытом купейным
Без чувства полёта.
Но как нам добраться,
Любви не скрывая,
До горнего царства
В иллюзиях майя?
Творец неслучайно
Суть скрыл за завесой
Из боли и тайны
Под рябью небесной,
Сплошной пеленой

Нам застил провиденье,
Глухою стеной
И печатью сомненья.
Но всё ж иногда
В час крылатой Авроры,
Когда облака
Чертят в небе узоры,
Её нежный свет
Робко мира коснётся.
Мир мрачный в ответ
Широко улыбнётся,
На миг обнажив
Настоящие грани.
Миг этот прожив
Снова утро настанет...

Мы куда-то идём...

Мы куда-то идём
Сквозь преломленный свет,
И на тысячу миль
Ничего не видать,
И на тысячу лет —
Непроглядная тьма,
Где и ночью, и днём
Неприглядная быль,
И нам нечего ждать,
Пока светит луна.

Мы зачем-то поём,
Когда некому петь,
Когда голос пропал,
Провожает душа
Всех идущих на смерть,
Всех зовущих покой
В этих играх с огнём,
Где бушует напалм,
Мы живём, чуть дыша,
За прозрачной стеной.

Мы кого-то зовём
В тишине чёрных дней,
На остывших камнях

У безбрежной реки,
Без врагов, без друзей —
Лишь морщинистый лик
Первобытных времён
Нам напомнит о снах
Неизбывной тоски
Ненаписанных книг.

Почему-то не жаль
Ни себя, ни других —
Пыль минувших веков
Забывает нам рты
На орбитах земных
За последней чертой,
Нам не вырваться вдаль
Нам не сбросить оков,
Лишь пустые плоты
Плывут вслед за мечтой...

Словно Вселенная...

Словно Вселенная, необозрима,
Непознаваема, безгранична,
Кистью небесного пилигрима
Пишется путь твой личный.

Пропасти в нём, ущелья и бездны
Светом пронизаны, всех слепящим,
Кажется мир игрушечно-тесным.
Ты его делаешь настоящим.

Ты наполняешь его простором,
Сотканным из чудесных мгновений,
Замысловато-сложным узором
В бесконечности повторений...

Ирина Шевчук

Подранок

Ванька дрался отчаянно, остервенело, с какой-то совсем недетской злостью. Прикусив до крови нижнюю губу, рычал и фыркал, словно волчонок, нанося противнику беспорядочные, размашистые удары крепко сжатыми грязными кулачками с содранной на костяшках кожей. Его обидчик, очевидно старший по возрасту, долговязый взъерошенный пацан, с ехидной усмешкой и явным физическим превосходством, особо не суетясь, лихо уворачивался от «ветряной мельницы» Ванькиных рук. Бил неспешно, но прицельно, как будто нехотя, вполсилы и, скорее всего, даже не столько с целью наподдать щеглу, сколько остудить его пыл и унижить. Нанося очередной удар извалявшемуся с головы до ног в грязном подтаявшем снегу мальцу, плюнул ему прямо в лицо и что-то злобно прошипел, как ядовитый змеёныш. От его слов Ванька вообще взбесился! Слёзы обиды и отчаянья брызнули из глаз, он неожиданно для врага пригнулся, втянул голову в плечи и, сгруппировавшись, как шальная пружина, кинулся вперёд, нанеся неожиданный нокаут сопернику, воткнувшись ему со всей силы головой прямо в живот. Долговязый, не устояв на скользкой снежной каше, рухнул на свой тощий зад. Поймав выгодный момент, Ванька накинулся на поверженного обидчика и начал его отчаянно пинать ногами.

Неизвестно чем бы закончилось это «ледовое побоище», если бы из-за угла дома во двор не вышел бригадир строителей, ремонтирующих ветхий двухэтажный деревянный дом, в котором проживал Ванька со своей матерью. Крепкий, лет пятидесяти мужчина, с седой, аккуратно стриженной бородой и усами, одетый в утеплённую камуфляжную куртку и вязаную шапку, кинулся разнимать юных «петухов». Одной рукой подхватил барахтающегося Ваньку и прижал его, дрыгающего ногами, себе под мышку, другой рукой схватил за шиворот долговязого и, слегка поддав ему коленом под зад, приказал отвалить восвояси, пообещав оборвать уши, если ещё раз посмеет изгаляться над Ванькой. Длинный тут же исчез из вида, а весь перепачканный, возбуждённый Ванька ещё долго не мог успокоиться, хлюпал носом, пытался отряхнуть от вьёвшейся грязи школьные брюки, метался по двору, собирая в коричневый рюкзак разбросанные тетради и учебники.

– Зачем ты меня остановил, дядя Егор? Я тебя просил? Чё ты лезешь не в свои дела? Я всё равно убью этого гада! Он – гад! Он – настоящий паршивый гад!

Мужчина, присев на корточки, снисходительно улыбался, поглаживая свои седые усы, и молча внимал Ванькиной истерике. Когда малой немного успокоился, подошёл к нему, приобнял за щуплое плечо крепкой рукой и спросил:

– Ну и что это было? Давай, валяй, делись секретами. Я – могила. Никому, ничего, ты же знаешь...

И тут пацана понесло:

– Я ведь мужик? Ну, скажи, дядя Егор, мужик?

– Кто бы сомневался! – с улыбкой молвил бородач.

– Мне хоть и десять лет всего, а я – настоящий мужик! Ничто, что мой батя-козёл! Это из-за него всё! Если бы он нас с мамкой не бросил, всё бы по-другому было. А то сбежал и прячется где-то, как крыса. Даже не вспомнил ни разу, что у него сын растёт! Мамка бедная старается, но она же – баба! А что баба может? У нас же, сам видишь, дом какой – печку топить надо, все удобства во дворе, вода в колонке. Всё дорого, блин! Дрова или уголь купить надо, в школу меня собрать надо. Кормиться тоже как-то надо! А у мамки работа – копейки платят! А тут ещё этот урод Генка и его дружки меня постоянно достают.

– А чего им от тебя надо-то?

– Да спроси их! Генка и в школе меня постоянно дёргает и пинает. Телефон заберут и дразнят потом: «Догони и отбери свой „крутой“ мобильник! Или беги к мамке в столовку, пожалуйста, пусть сопли вытрет!» Ничего он у меня и не задрипанный! – словно в доказательство сказанных слов достал Ванька из кармана школьных штанов свой простенький, давно устаревшей модели сотовый телефон. Заботливо потёр маленький экран и кнопки рукавом, для чего-то включил подсветку, продемонстрировал дяде Егору звуковой сигнал, похожий на свисток закипающего чайника, включил режим вибрации, довольный и успокоенный сунул изрядно пошар-

панный гаджет обратно в карман.

– Ну что, плохой что ли телефон? Да у других пацанов и такого нет! Ясно, что они со своими «Айфонами» выпендриваются. Ну так у него батя в пограничной части служит, при звёздах на погонах, на «Крузаке» катается, а моя мамка тарелки в школьной столовке моет. Мне что теперь – от зависти удавиться что ли?

– Брось ты, Ванька, кипятиться! Сам же говоришь, что ты мужик, а не слабак какой-то тряпичный. Ну так утри нос и кончай причитать, как старухи на лавке. Я тебе, парень, вот что скажу – что из человека получится – время покажет! Ещё не факт, что этот Генка, мамкой и папкой облизанный со всех сторон, чего-то путного в своей жизни добьётся. Оно ведь, Вань, как легко даётся, так легко и спускается. Я уж, Слава Богу, пожил и кое-что в людях видеть научился. Ты, главное, злобу в себе не копи. Злым быть – последнее дело! Да и за что, и на кого злиться? На отца твоего, который сбежал? Да и флаг ему в руки, и перо в одно место для скорости, если ветер дунет. Шучу, конечно! Знать его не знаю, да и судить не берусь. Жизнь всех рассудит. А ты мамку жалея! Вот её оскорблять и обижать сам не смей и никому не позволяй! Надо будет – даже в глотку вцепись! Понял, пацан? Ладно, я тут с тобой лясы точу, а у меня там машина с металлом для крыши сейчас прийти должна. Пойду своих работничков гонять, просто беда – только отвернёшься, то накосячат, то сидят в носу ковыряют, то местные ваши у них что-то свистнут.

Народ тут – гнилой! Для них же стараемся, торчим в командировке в этом медвежьем углу, домишки ваши «дореволюционные» в божеский вид привести пытаемся, так нет же – воруют всё, что под руку попадёт. Сами же у себя и прут – идиоты! Ну, ты, парень, не в счёт, с тобой мы – почти кореша стали! Я прав?

– Точно, дядь Егор! Я вас сразу зауважал. Вы – клёвый мужик! И даже водку не пьёте, и даже не курите!

– Ну, спасибо, дружбан, за уважение! Давай «пять», и пошёл я воевать дальше.

Шлепнув большой шершавой ладонью о Ванькину измазюканную пятерню, Егор Данилыч похлопал пацана по плечу и ушёл на свою строительную «передовую».

Морозное декабрьское утро встречало первых прохожих рыхлым, пушистым снегом, белым покрывалом укрывшим вчерашнюю грязь и распутицу во дворах и на окрестных дорогах. Мир как-то обновился, всё вокруг стало немного чище, тише и новее. Рабочий день едва начался, а бригада суетливых корейцев под руководством опытного строителя Егора Данилыча уже копошилась на монтажных лесах, буквально на глазах преображая фасад деревянного дома, ещё в 50-е годы прошлого века наспех срубленного зеками из местной колонии общего режима. Похоже, с тех самых пор эти жилища не видели ни одного капитального ремонта. Обшарпанные кирпичные печные трубы в два ряда по четыре штуки в каждом не один десяток лет коптили небо чёрной уголь-

ной гарью, сиротливо усевшись на прогнивших и растрескавшихся от старости, латанных-перелатанных горемычными жильцами шиферных крышах. Людей заезжих это небольшое приморское поселение, расположенное на берегу Амурского залива, своим непрезентабельным внешним видом явно никогда не впечатляло. А уж последние годы обветшавшие, покосившиеся домишки со всеми удобствами во дворе даже на неприхотливых местных жителей стали навевать уныние и тоску. И без того редко просыхающее от хронических запоев население всё чаще стало списывать своё беспробудное пьянство на невыносимые для человеческого проживания жилищные условия, отсутствие работы и жуткую скукотищу. Ни клуба, ни библиотеки, ни какого-либо другого заведения для культурного досуга здесь давно не припомнят. Несколько частных продуктовых магазинчиков-лавочек, небольшой детский сад и школа – вот, пожалуй, и все признаки цивилизации в этом Богом забытом уголке. Основное трудоспособное население составляют две категории служащих – одни служат в пограничной части, охраняют Российско-Китайскую границу, а другие – вольных поселенцев из числа осуждённых законом сограждан.

Размытая последним осенним тайфуном и без того похожая на ребристую стиральную доску грунтовая дорога, соединяющая посёлок с ближайшим более-менее крупным населённым пунктом, доставляет местному населению ещё большие проблемы и неудобства, чем убогое жильё. Рассто-

ание, чуть более пятнадцати километров, люди здесь преодолевают как круглогодичную полосу препятствий, поминая местную власть и дорожные службы самыми «изысканными» эпитетами! Никакого регулярного автобусного сообщения с цивилизацией здесь давно не припомнят. Добираются до районного центра на приём к врачу или для приобретения чего-то более серьёзного, чем хлеб, консервы и крупы, кто как может. Поэтому для таких пацанов, как Ванька, выезд за пределы места постоянного обитания – настоящий праздник, который случается от силы несколько раз в год, чаще в период летних каникул. Но мечтает и готовится к таким событиям Ванька задолго и основательно, складывая звенящие рублики в пустую ярко-красную жестяную банку из-под «Пепси-Колы». Наполняется импровизированная копилка жутко медленно, ведь падающие туда рублики мальцу приходится выкраивать из выделяемых мамкой раз в неделю незначительных сумм на карманные расходы. А так хочется иногда и «Сникерс» пожевать, и чипсами похрустеть...

Стрелка настенных часов едва перепрыгнула цифру 10, а Ванька уже выскочил из подъезда на улицу, хотя учится со второй смены. Это не потому, что в поселении так много детей, а потому, что школа маленькая, и не все классы отапливаются. В связи с этим всех школяров разделили на две смены: старшие «грызут гранит науки» с утра пораньше, а дети с 1 по 5 класс приходят на занятия к обеду. Но торчать дома одному до самого обеда – для пацана настоящая

пытка! Несмотря на все старания матери вправить ему мозги, он почти никогда не выдерживал долгую паузу полного одиночества и в любую погоду выдвигался в школу задолго до начала уроков. Неторопливым шагом идти от Ванькиного дома до школьного крыльца минут десять, но пацан умело растягивал этот маршрут до беспредела! Иногда даже умудряясь опоздать на первый урок. Сначала обходил по периметру родную двухэтажку, обязательно заглянув для чего-то в соседний обшарпанный подъезд, где обитали кроме двух одиноких старушек в основном алкаши и бездельники. Дальнейший маршрут неизменно пролегал мимо продуктового магазина, расположенного напротив. Затем, вопреки логике и здравому смыслу, Ванькины ноги несли его в противоположную от школы сторону посёлка. Он топал вдоль дороги до ближайшей частной торговой точки, где кроме скудного ассортимента съедобного «закусона», круглосуточно, изпод полы велась торговля местным самогоном. Покрутившись некоторое время на пороге «заведения», пацан иногда заглядывал и вовнутрь. Хозяйка лавки тётя Люба – давняя приятельница его матери – праздношатающегося, болтливового пацана хотя и сдавала потом матери со всеми потрохами, но и почти всегда чем-нибудь угощала, то ли от доброты души, то ли от жалости. Получив дежурный чупа-чупс и попрощавшись, Ванька перебежал через дорогу на незатейливую детскую площадку, возведённую недавно местной администрацией для поселковой малышни. Поболтавшись

на скрипучих качелях, перебирался на деревянную шведскую стенку, висел на перекладинах, пытался подтягиваться и качать пресс на турнике, неведомо перед кем выпендриваясь. А уж если на горизонте появлялись неожиданные прохожие, или на площадку заглядывали девчонки из ближайших домов, то Ваньку по-настоящему несло! Он всеми возможными способами пытался привлечь к себе внимание, начинал громко свистеть или петь, заговаривал уши девчонкам, на ходу сочиняя какие-нибудь небылицы.

Вот и этим утром Ванькин маршрут начался с обхода придомовой территории. Обойдя строение с тылу, начал поочередно цепляться к копошащимся на строительных лесах корейцам. Те уже привыкли к надоедливому пацану, мало понимая его безудержную словесную трескотню, дружелюбно улыбались, махали руками в знак приветствия и молча продолжали жужжать шуруповёртами, крепя сайдинг к деревянным стенам дома. Ванькиного друга Егора Даниловича там не было: видно укатил в город по делам. Бесцельно потоптавшись по сугробам, Ванёк принялся набивать карманы куртки валяющимися на бетонной отмостке прямо у стен дома шурупами и саморезами. Роняя их сверху озябшими на морозе руками, корейские строители не утруждали себя заботой собрать потом то, что приобреталось не за их деньги, а потому не представляло для них никакой ценности. Напрасно Егор Данилыч читал им лекции, что разбрасываться материалами – свинство! Они только ехидно хихикали, щуря и без

того узкие глазки, и продолжали гнать объёмы, не заморачиваясь на такие мелочи.

Хозяйская жилка у Ваньки проявлялась с детства: он подбирал и тащил в дом всё, что попадало под руку. Мать, наводя в доме порядок, ворча и чертыхаясь, выгребала у сына из-под кровати, из ящиков письменного стола и шкафа с одеждой груды ненужного хлама. Чего только «домовитый» малец не пёр в дом: и гнутые гвозди, и пластиковые бутылки, и картонные коробочки, какие-то подшипники, гайки, запчасти от велосипеда, найденные на помойке старые утюги, чайники, дверные замки... Откуда в нём была эта тяга – мать недоумевала. Сама – воспитанница детского дома, не ведающая роскоши и достатка, была достаточно замкнутой, немногословной, привыкшей самостоятельно решать все житейские проблемы, но при этом оставаясь болезненно гордой, не допускающей к себе жалости женщиной. Предательство и бегство мужа пережила стойко, доверяя свою бабью слабость лишь старой перьевой подушке по ночам. Родила Ваньку, уже будучи далеко не молодухой. Даже в юные годы желающие приударить за ней в очередь никогда не выстраивались. Причиной всему была, мягко говоря, её неброская внешность. Ни красотой, ни фигурой, ни ростом, ни интеллектом Томка не блистала, а потому, особо не раздумывая, повелась на первую же попытку закадрить бабёнку одного подвыпившего местного «гусара» из бывших сидельцев. Их краткосрочный роман закончился ровно на третьем меся-

це Томкиной беременности. Тупо уставившийся в пол, явно ошарашенный неожиданной новостью «Казанова» просидел ещё так – в позе медитирующего Будды – с полчаса, потом молча встал и вышел с дымящейся сигаретой во двор. Больше его никто не видел. Как корова языком слизала будущего папашу! Вариантов у Тамары не было. Как не было ни родных, ни близких, кто бы дал дельный совет или поддержал материально. Но реально осознавая, что второй попытки стать матерью у неё уже, скорее всего, никогда не будет, она твёрдо решила рожать! Слава Богу, родился Ванька, хоть и немного недоношенным, с маленьким весом, но вполне себе здоровеньким, прожорливым и горластым. Уж что-то, а поорать он просто обожал! Какими только народными премудростями и хитростями не пыталась унять его писк и визг молодая мамашка, но орал он день и ночь, неведомо по какой причине. За первые полгода Ванькиной жизни с ума едва не съехали все соседи, доведённые до бешенства постоянным рёвом неугомонного детёныша. Прекратил голосить маленький Ванька лишь после того, как «поколдовала» над ним сердобольная старушка Лаврентьевна, живущая в соседнем доме. Все в округе знали, что эта бабушка «божий одуванчик» умеет делать что-то такое, здравым смыслом и логикой не объяснимое, после чего некоторые мужики раз и навсегда бросали пить...

Раннее своё детство Ванятка не помнил – и хорошо! Не сладко пришлось ему малому и его мамке-одиночке.

Но на трудности и проблемы не взирая, подняла сынка одна, без няnek и бабок. Вот только жизнь эта со своими перекосами и перегибами явный след на характере пацана отпечатала. Маленький, взъерошенный, колючий, как ёжик, взбалмошный и гиперактивный – он всем своим существом пытается самоутвердиться в этом жестоком мире, маскируя свою слабость и неуверенность за ширмой шумной бравады и клоунады. От того легко объяснима его, такая скорая, искренняя и где-то даже настойчиво-прилипчивая симпатия к немолодому уже седобородому строителю дяде Егору. Что уж там напридумывал себе Ванька, каких нафантазировал картинок дальнейшей жизни – неведомо. Но однажды на полном серьёзе вызвал своего нового взрослого друга на мужской разговор.

Пару дней отсутствовал Егор Данилыч в посёлке, укатив по колдобистой дороге в районный центр за недостающими стройматериалами. Во время его отсутствия Ванька как-то притих и погрузился. Всё так же бесцельно пиная сугробы и бороздя сточные канавы с грязной, толком не застывшей водой вдоль дорог, маячил в центре посёлка, кажется, не вспоминая про учёбу. На третий день, ближе к обеду, к дому подкатил большой синий грузовик с крановой установкой, загруженный по самые борта. Ванька заметил машину одним из первых. Сиганул вниз со строительных лесов на уровне второго этажа, где сидел, болтая ногами и одновременно языком, развлекая задубевших, как воробьи на вет-

ках, вечно не по погоде одетых корейцев. Те тоже бросили работу и начали спускаться вниз, встречать своего «капитана» и разгружать машину. Не успел Егор Данилыч вытряхнуться из кабины грузовика и размять затёкшие ноги и спину, как Ванька буквально повис у него на шее.

– Наконец-то, дядь Егор, прикатил! Мы уже тут с твоими «кореандрами» ждать устали! И чё они у тебя все такие тупые? Как ты вообще с ними разговариваешь? Я им объясняю по-русски, нифига не понимают, лыбятся и чё-то там курлычат. Я им тут рассказывал, как мы с мамкой в городе в «корейскую кухню» зашли и ели их салат из морковки. Злой, как дракон! У меня ещё два дня всё в животе горело, но мне понравилось! Я их хвалю, а они – тупые, ничего не поняли!

– Вань, слушай, утихни хоть на секунду. Некогда мне сейчас лясы точить, надо быстро разгрузку организовать и машину назад отправить. А потом ты мне всё доложишь, как положено, во всех подробностях. Договорились?

– Да, ладно! Что я – дитё что ли? Всё понял. Я подожду. Просто скучно без вас было, дядь Егор...

Шустрые корейцы, как муравьи, быстро и молча, без лишней суеты организовали разгрузку привезённого материала. Двое, вскарабкавшись на кузов, лихо заводили стропы, цепляли их за крюк подъёмного крана и жестами подавали команду водителю, остальные принимали груз внизу. На всё про всё ушло меньше получаса. Водитель грузовика, махнув Данилычу на прощанье рукой из приоткрытого окна кабины,

дал по газам.

Егор Данилыч устало присел на деревянный поддон с мешками сухой штукатурной смеси. Ванька тут же вынырнул откуда-то из-за угла и деловито плюхнулся рядом.

– Ну что, притомился? Может, я за чаем домой сгоняю?

– Да не суетись, Вань. Чаем я не наемся. Сейчас задание своим, как ты их там обозвал, «кориандрам» выдам и пойду, пообедаю. Жена ждёт, наготовила, как всегда, чего-нибудь вкусенького.

– Дядь Егор, ты не обижайся, но я не могу понять, а чего твоя жена за тобой по командировкам таскается? Бойтся, что уведут?

– Ну, во-первых, не таскается, а ездит! А, во-вторых, я без неё, как и она без меня – вообще никуда и никогда! Вот бывает так, пацан! Мы, как ниточка и иголочка. И так уже двадцать пять лет! Прикинь! В настоящей семье так и должно быть.

Ванька сразу как-то сжался, отвёл глаза в сторону и вроде даже зашмыгал носом.

– Ты чего это насупился, слышь, Вань? Я тебя обидел чем-то?

– Да, не... Просто, конечно... Я тут дурак было... А у вас – всё и так в шоколаде...

– Ты это о чём? – потянув Ваньку за рукав куртки, спросил Егор Данилыч.

Ванька резко вскочил с мешков, отряхнул руками белую

пыль со штанов и, как-то зло сверкнув глазёнками, выпалил:

– Да ясно всё с вами! Я – дурак, конечно, но так хотел вас с мамкой своей познакомить. Ведь она у меня очень хорошая баба: и работающая, и добрая! Ну, не красавица – это я, как мужик, понимаю, но ведь хорошая...

– Вань! Ты вообще о чём? Я так догадываюсь, что ты, типа, сватать меня собирался?

– Чё вы смеетесь? Ничего и не сватать, я же вам не эта Розочка Сябитова!

Егор Данилыч еле сдерживал смех, но боялся обидеть разоткровенничавшегося мальчишку и потому сидел как вкопанный и слушал Ванькин бред с умным видом.

– Я вашу жену, конечно, не видел, может, она и лучше мамки моей, но моя зато – такая непривередливая! И она бы с вас пыль сдувала!

– Вань, а чего это ты вдруг так резко со мной на «вы» перешёл? Мы же вроде кореша с тобой и в первого дня на «ты» были.

– Да так, чего уж там кореша... Я-то, дядь Егор, как с тобой познакомился, сразу зауважал и мечтал всё время – мне бы такого батю!

– Видишь ли, дружище, ты мне тоже очень понравился. Ты такой настоящий, хотя ещё маленький, но уже мужик! Я слюнтяев и лицемеров терпеть не могу! А ты лепишь всё, что видишь, прямо в глаза, это, конечно, не всегда хорошо. По-взрослеешь – поймёшь. Но давай по-взрослому, Ванёк, без

всяких обид. Ты – отличный парень. И с характером – это для мужика важно! И мать у тебя наверняка хорошая и добрая. Но, видишь ли, каждому в этой жизни своя судьба Богом уготовлена. Я давно женат и счастлив при этом! И дети у меня уже взрослые, и даже внуки, почти такие, как ты по возрасту. Куда же я от них, а, Вань? И тебя у мамки не заберёшь, ведь она без тебя не выживет! Или я не прав?

Ванька шмыгнул сопливым носом, неуклюже уткнулся покрасневшей мордахой в плечо Егора Данилыча и, ещё несколько раз всхлипнув, тихо выдавил из себя:

– Не сердись, дядь Егор! Я не хотел... Чё-то слюни пустил, как девка.

Данилыч обнял пацана за плечи, слегка встряхнул, заглянул ему в слезящиеся глаза и по-отцовски поцеловал в лоб.

– Всё у тебя будет как надо! Поверь мне! Я жизнь прожил, людей и всяких тварей повидал. Ты, Ванька, настоящий! И мы с тобой навсегда друзьями останемся! Нам скоро работы здесь сворачивать и по домам, но у тебя мой номер мобильного есть. Я двадцать четыре часа в сутки на связи. Ты это знай! Главное, мать береги и никогда не становись подлецом! Обещаешь?

Ванька, ничего не ответив Данилычу, чмокнул его в щетинистую щёку и убежал домой.

Сдав приёмочной комиссии преображённые, отремонтированные дома, строители собрались восвояси. Егор Данилыч с супругой уже загружал последние коробки со своими

пожитками, освобождая съёмную квартиру, когда в их дверь кто-то робко постучал. Данилыч толкнул дверь. Там, потупившись глазами в пол, стоял Ванька.

– А, дружище, ты? Ну, заходи! Правда уже и посадить тебя не на что, и угостить нечем, всё в машину загрузили, но я рад тебя видеть.

Ванька, переступив порог, протянул Данилычу пятерню и еле слышно поздоровался с его женой. Мудрая женщина, которая была с первого дня в курсе этой трогательной дружбы супруга с местным пацаном, потихоньку ушла в другую комнату.

– Я вот помочь пришёл. Может, что загрузить ещё надо? – промямлил Ванька.

– А на-ка, держи, вот ещё коробка с тарелками и кастрюльками осталась, как раз поможешь.

На улице, отдав ключи от съёмного жилья хозяйке, Егор Данилыч и его жена пожелали всем доброго здоровья и просили не поминать лихом. Напоследок седобородый строитель подошёл к своему юному другу:

– Ну что, Ванёк? Всё путём?

– Да, дядь Егор! Всё будет чётко! Я знаешь, чего сегодня ночью решил? Я после пятого класса в Суворовское училище пойду! Военным хочу быть! А потом – генералом! И потом мамку к себе заберу! И жена у меня будет, как у тебя! Ну, помоложе, конечно, но хорошая! И любить меня будет! А я тебя никогда не забуду, дядь Егор... – Не сдержав нечаян-

но нахлынувших предательских детских слёз, Ванька встрепенулся, утёр рукавом куртки мокрый нос и, как молодой жеребёнок, на своих неокрепших, разъезжающихся в снежном месиве ножульках рванул, не разбирая дороги, куда глаза глядят...

Ольга Бажина

Ноктюрн Осени

Французский сонет

Уже прозрачней лес без сброшенной листвы.
Уже грустней звучат в тиши и птичьи трели,
И мокнет под ногами, вновь превращаясь в прели,
Рыжея под дождём, зелёный цвет травы.

Сквозь щели лезет хлад в закрытые дома,
И дачные сады ветрами вновь раздеты,
Повержено лежат цветы бывшего лета,
И землю побелить готовится зима.

И холодит умы ноябрьское ненастье,
И души у людей пытаясь охладить,
Но из сердец тепло не хочет уходить

И согревает вновь надежду на счастье
И верой, что Весна сумеет наградить
И солнечным теплом и к лучшему причастьем!

Про советский «Голубой огонёк»

Помню я то, как в детстве в субботу,
В этот будний последний денёк
Вся страна торопилась с работы
На родной голубой огонёк!
И садилась у телеэкрана,
Чтобы в доме родном вечером
Погрузиться с друзьями в nirvanу,
Что звалась «Голубым огоньком».
Там в эфире знакомые лица,
Именами своими маня,
Призывали нас всех породниться,
Согреваясь у телеогня!
И на час забывались заботы
И проблемы умчавшихся дней,
И любимая телесуббота
Становилась с годами родней!
Вот бы сбросить нам тяжестей бремя,
Хоть на час в нашу жизнь вернуть
Огоньков тех счастливое время,
Чтоб с экрана Добром нам светить!

Моя Мадонна

Посвящается невестке Настеньке

Дверь распахнулась, и молоденькая мама
С новорождённой крохой в руках,
Прижав её к груди, парила в облаках
И из роддома выходила, как из храма!
Она Мадонной новоявленную шла,
Божественно прекрасной, хоть земною!
В день этот майский, ей подаренный весною,
Она на материнства пьедестал взошла!

Внимаю музыке Весны

Внимаю музыке Весны душой и сердцем
И звуки свежести её по капле пью,
Её симфонии мелодию пою
Из части третьей – упоительного Скерцо,
Пока Аллегро вновь капелями звучит,
И Марта музыка грохочет ледоходом,
Пленит умытым послезимним небосводом,
Игриво нотками ручейными журчит!
Апрель Адажио минорным загрузит,
Мажорной бодростью её сменяя твёрдо!
На время зимнее застывшие аккорды
В Природе Майское Аллегро воскресит!
И сладких трелей соловьиных волшебство
Разбавит буйное цветенье яблонь, вишен!
На землю солнца яркий свет прольётся свыше,
Финала вешнего усилив торжество!

Классическая симфония состоит из четырёх частей:

1. Аллегро – бодрое;
2. Адажио – грустное, лирическое;
3. Скерцо – весёлое, радостное;
4. Финал – торжественный.

Закатное солнце

Закатное солнце по небу, пылая, катилось
И таяло пламенем света вечерней зари.
Уже зажигали свой свет светлячки-фонари,
И солнце за кромку небесную вниз опустилось.
Горевший недавно на небе так ярко костёр
Уже становился подобием зорьки рассвета,
И розовый цвет акварельный июньского лета
На всём горизонте объятая свои распростёр!

Над землёй волгоградской

Над землёй волгоградской с названьем Елань
Сам Господь распростёр свою горнюю длань.
И с касанием божьей рукою земли
Здесь духовности, веры ростки проросли,
Поднялись до чертогов небесных леса,
Поят чистой водой их Елань и Терса,
Разнотравьем цветастым пестреют поля,
Добротой и любовью лучится земля!
Здесь по воле Создателя, видно, возник
Параскевы святой Краишевский родник,
Словно пульс у России, в нём бьётся вода,
И кричит она сердцем, что в доме беда,
Молит, чтобы её от всемирной беды
Сберегли и икона, и святость воды!

Разливается песней былинною...

Разливается песней былинною
Ширь небес над казачьей долиною.
Тёплый воздух дрожит над природою,
Вниз спускаясь казачьею одою.
Песнь казачья привольною птицею
Над казачьей взлетает станицею
И рисует крылами орлиными
В небе притчи казачьи старинные!

О фестивале «Троица на Бузулуке»

Над рекою Бузулук,
Как большой цветущий луг,
Как казачки гордой шаль,
Расстился фестиваль!
Ярко здесь цвели таланты:
И певцы, и музыканты,
И актеры, и танцоры,
Сувениров ярких горы.
Песни солнечно звучали,
И яичницы шкварчали.
Вкусно так в желудки наши
Здесь текли с изюмом каши.
Ароматный чай такой
Лился щедрою рекой!
Песни к небу поднимались,
С облаками обнимались
И парили, как орлы,
Горделивы и светлы!
Над станицею летели,
О душе казачьей пели
Русской, гордой, своевольной,
Несгибаемой и вольной!!

Сонет

Рассветный луч порвал ночи завесу,
В чертоги леса солнце заглянуло!
Пред ним Природа скатерть развернула,
Всю вышитую красотою леса!
Она на ней волшебными перстами
Творила чудо, гладью вышивая!
Рассветной сканью скатерть покрывая
И акварельно нежными цветами,
Иголкою картину рисовала
На полотне прозрачными шелками.
Искусница талантом и руками
Шедевр при свете лунном создавала!
Когда художник и поэт глядят на это,
Дрожит дыханье у художника, поэта!

Лесные дары

Листвой предосенней присыпав лесные дороженьки,
Мне август внушает, что лету конец настаёт:
Хоть зеленью трав у деревьев укутаны ноженьки,
Но звонкими птичьими трелями лес не поёт!
Мой сад в цветнике засквозил органзой-паутинкою,
А солнце не слишком охотно пьёт утром росу,
Вздыхает дождями Природа и смотрит с грустинкою
На щедрые лета дары, что из леса несут!
Меж пальцев её листьев золото редкое падает,
Уже приближая приход листопадной поры,
Она напоследок жарой уходящею радует
И нам преподносит в ладонях лесные дары:
Хоть прячет маслята, лисички и знатные белые,
Но лезут они из земли плодородной груди
И просятся в наши корзинки и в руки умелые —
Коль ты не ленивый, лес ими тебя наградит!
Тогда ты зимой их отыщешь среди банок на полочке
И, сидя с друзьями, семьёй за уютным столом,
Им скажешь: «Привет!» и любовно откроешь засолочки,
Чтоб вместе мечтать с ними вкусно о лете былом!

Июльская гроза

Долго дождь искал прореху в небе белом от жары
И смотрел упрямо сверху вниз на дачные дворы!
Наконец нашёл лазейки и закапал в тот же миг,
Заплясали молний змейки, а потом и гром возник.
И от этих ярких вспышек разорвалась ширь небес!
Гром рычал без передышек и пугал и сад, и лес!
Дождь вдруг в ливень превратился, завладел и им искус,
С неба каплями скатился, а теперь вошёл во вкус!
Он и прыгал, он и лился, рассыпался, как каскад,
То по-детски веселился, то бурлил, как водопад.
Промочил достойно землю, а потом, сказав «Пока»,
Ожиданьям солнца внемля, скрылся паром в облака!
А когда стихия стихла, как мираж издалека,
Ярко радуга возникла, подпирая облака!

Ирина Арсентьева

В Россию через «окно Петра Великого»

На уроках биологии я очень часто рассказываю о том, что Пётр I был прогрессивным человеком, который много сделал для развития российской науки. Привожу ученикам примеры в доказательство своих слов.

Сегодня я решила рассказать об этом и вам. Но о роли царя российского в развитии науки в целом мне рассказать не удастся, для этого понадобится не один день, наверное. Предлагаю вам погрузиться в отдельную её отрасль – биологию. В ней я разбираюсь и кое-что знаю.

Итак, начну с того, что Пётр Первый «прорубил окно в Европу». Об этом знают все без исключения! Эта фраза стала крылатой. Но, возможно, не каждый задавался вопросом, с какой целью он прорубил это «окно».

В последнее время мне всё больше кажется, что «окно» используется не по назначению. Через него многие покидают Родину, а этого царь Пётр точно не хотел и не одобрил бы. Ведь тогда он прорубил бы в Европу дверь.

«Окно» было прорублено с одной лишь целью: взять в европейских странах всё самое лучшее и протащить в Россию, не покидая страны навсегда.

Летом 1697 года молодой Пётр I приехал в Голландию,

чтобы познакомиться с военно-морским делом. Заодно он хотел присмотреться к европейским новшествам и перенять то, что полезно для России.

Пётр, его приближённые и мастера, прибывшие из Москвы, расположились на корабельной верфи близ Амстердама. Все во главе с Петром и Александром Меншиковым на практике постигали азы кораблестроения. Русские работали на голландской верфи быстро. Фрегат, который заложили в качестве обучающей модели, был построен через несколько недель, и его спустили на воду.

Царь Пётр плотничал вместе с остальными. А в свободное время посещал кунсткамеры, присутствовал на операциях, слушал лекции анатомов, встречался с выдающимися учёными.

В мае 1698 года Пётр на своей яхте совершил небольшое путешествие по рекам и каналам Голландии. Когда по одному из рукавов Рейна судно дошло до окрестностей Делфта, царь велел пристать к берегу и попросил, чтобы к нему пригласили жителя города Антони ван Левенгука.

Делфт в XVII веке был одним из центров европейской научной мысли. Именно здесь было открыто так называемое «микробное царство». И открытие это связано с именем коренного делфтца Левенгука, которого в майский день 1698 года ожидал на яхте русский царь...

Антони ван Левенгуку в те дни было уже шестьдесят шесть лет. Он был недоверчив и необщителен. Лишь немно-

гим он позволял рассмотреть в свой микроскопиум «зверюшек». Так он назвал открытые микроорганизмы – инфузории, бактерии, клетки крови эритроциты.

Левенгук поначалу не хотел этой встречи, но царь есть царь, и от его приглашения не откажешься, даже если он правит чужой далёкой страной. И Левенгук, взяв с собой несколько микроскопиумов, отправился на яхту. До наших дней не сохранилось сведений о том, сколько времени длилась беседа, и какие препараты были продемонстрированы Левенгуком. Бесспорно лишь то, что Пётр был первым русским, увидевшим «зверюшек». Писали, что Левенгук продемонстрировал Петру и «круговорот крови в хвосте угря».

Пётр приобрёл у Левенгука несколько микроскопиумов, которые представляли собой тубусы – трубки с увеличительными линзами, в шлифовании которых он добился колоссальных результатов (они могли увеличивать до 300 раз). Голландец не дарил и не продавал свои линзы даже самым близким друзьям и знатным особам, а Петру подарил. В свою очередь и царь отступил от этикета. Коронованные особы подавали руку людям простого звания разве что в знак особой милости. А Пётр, прощаясь с Левенгуком, пожал ему руку и поблагодарил за предоставленную возможность увидеть много поразительного и полезного... Он всегда преклонялся перед профессионализмом.

Так микроскоп попал в Россию...

А в 1716 году появился первый отечественный увеличи-

тельный прибор. Теперь понятно, почему современная микробиология как наука полностью обязана своим рождением Петру Первому.

Из Голландии в Россию приехал не только микроскоп. Среди многочисленных полезных вещей Пётр Первый привёз и луковицы тюльпанов. Они появились в России в 1702 году.

Царь Пётр был очарован растущими во дворцовых садах этими грациозными цветами, как только их увидел, и учредил специальную «садовую контору» для выписки заморских растений.

Тюльпаны были любимыми цветами царя. Их до сих пор ежегодно сажают в Летнем саду в память о Петре.

Родиной тюльпанов считают Голландию, хотя это не совсем так. Из Средней Азии тюльпаны попали в Османскую империю, затем в Вену и только потом в Голландию, где началась настоящая «тюльпаномания», которой «заразился» и Пётр.

При Петре I тюльпанам давали простые названия, особенно не задумываясь, говорили просто – белый, красный и розовый тюльпан.

Однако в память о государе был выведен сорт «Кзаар Петер» («Царь Пётр») – это гибрид (гибрид Грейга/Кауфмана). В нём нет ни капли привычной скромности тюльпанов. А нужна ли она? Ведь эти яркие и пышноцветущие растения возвышаются на крепкой ноге. Крупный бутон высотой

от шести до восьми сантиметров красно-белый с чередующимися широкими полосками. Этот поистине царский цветок можно увидеть в Летнем саду Санкт-Петербурга в конце весны.

В Летнем саду есть «Красный сад», который называют ещё огородом Петра Великого. Здесь можно увидеть и узнать историю лекарственных и овощных культур, которые выращивались в садах Петербурга в начале XVIII века.

У императора было особое отношение к огороду. Возить издалека экзотические для того времени растения было невыгодно. Вот царь и решил выращивать их недалеко от дома. Пётр I даже написал в Москву письмо, в котором просил «прислать семян и корней садовых растений, да не помалу, особенно тех, кои пахнут».

Ассортимент выращиваемых культур, которые мы можем увидеть в Петровском огороде в настоящее время, представлен традиционными русскими овощами: капустой, репой, редькой, морковью, свёклой, луком, чесноком, шавелем, хреном, укропом, сельдереем, а также картофелем, салатами-латуками, редисом, артишоком, завезёнными Петром из Европы. Кроме этого выращиваются кабачки, патиссоны, тыквы, помидоры. Одной из особенностей, созданной при Петре, является наличие пряных и лекарственных растений, выращиваемых на одной грядке. Эта традиция идёт опять-таки из Голландии, а потому получила в России название «Огород на голландский вкус». Ароматные травы пред-

ставлены мятой, майораном, мелиссой, любисток, тмином, тимьяном, базиликом, кориандром, сельдереем, петрушкой. Лекарственная грядка состоит из валерианы, пустырника, зверобоя, тысячелистника, подорожника, череды и шалфея.

В XVIII веке в этом саду выращивали более сотни различных лекарственных и пряных трав, а также лимоны, апельсины. Особое пристрастие Пётр I питал к душистым травам, таким как рута, пижма, иссоп, мята и многим другим.

Одни растения оказывались не слишком востребованы, другие были трудны в выращивании. Например, из борщевика сибирского в старину варили борщ. О нём есть упоминание даже в Домострое XVII века. Сныть и крапиву охотно использовали для салатов. А корнем пижмы окрашивали в зелёный цвет шерсть.

Сегодня особой надобности в этих растениях уже нет. Зато другие цветут по-прежнему. Например, мята яблочная, которую испокон века добавляли в мочёные яблоки или повидло. Цикорий, который в микроскопических дозах клали в салат. Или любисток – известное приворотное зелье.

А вот популярную среди гурманов спаржу, за побеги которой в наших магазинах выдают обычную сою, больше не выращивают. Хотя известна она еще с XIV века. А при Петре Великом была и зелёная, и белая, и фиолетовая. Её выращивали даже зимой. Делали паровую грядку, вниз набивали конский навоз. Земля становилась тёплой, что позволяло

уже в апреле снимать урожай артишоков или огурцов.

Говорят, Пётр I очень любил свой маленький огород. Именно отсюда поставляли к его столу свежие овощи и фрукты. Ещё рассказывают, что Красный боскет всегда показывали гостям, удивляя их диковинными растениями, привезёнными для государя из-за границы.

Когда Пётр I лечился на водах в Европе, Екатерина I собрала ему посылочку. В ней были померанцы, виноград, который выращивался в оранжерее Летнего сада и другие фрукты с записочкой: «Мол, знаю, у тебя там, в Европах, всё хорошо, но своё-то вкуснее».

С лёгкой руки Петра Первого в Россию в начале XVIII века попал и подсолнух. Первоначально его выращивали на клумбах и в горшках в качестве декоративного растения, называя «солнечным цветком».

Однажды эффектный вид цветка побудил Колумба привезти семена подсолнечника из далёкой Мексики – родины его дикого предка – в Европу в начале XVI века. Оттуда подсолнечник попал в Россию. Почти 200 лет он радовал взор любителей цветов как декоративное растение, и только в России в 1829 году из семян подсолнечника начали давить масло.

Принято считать, что первая грядка с картофелем также появилась в России при Петре Великом. Русский император выращивал картофель в Стрельне, надеясь использовать его как лекарственное растение. Сначала этот овощ считал-

ся в России диковинкой. Его подавали как редкое и лакомое блюдо на придворных балах и банкетах. Знатные дамы украшали причёски цветками картофеля. Как это ни покажется странным, первое время картофель было принято посыпать не солью, а сахаром.

Сегодня мы называем картофель «вторым хлебом», но приживался он очень долго и тяжело. Когда Пётр привёз картофель в Россию и велел разводить его повсеместно, народ отказывался признавать растение.

Это было связано в первую очередь с тем, что люди не раз травились «вершками», не догадываясь о том, что есть нужно как раз «корешки». Ведь все зелёные части картофеля ядовиты.

Смущало русских людей и само слово «картофель». Наши предки были уверены, что «картофель» происходит от немецких слов «крафт ойфель», что на русский переводится как «дьявольская сила». Называли картофель «чёртовым земляным яблоком» и устраивали «картофельные» бунты.

Для распространения картофеля Пётр I применил смекалку. Он заселил несколько полей картофелем и приставил к ним вооружённую охрану. Днём солдаты «несли пост», а на ночь расходились спать. Мотивация «запретного плода» сработала. Соблазн «стащить» то, что так ревностно охраняют, оказался настолько велик, что люди начали воровать клубни с поля и высаживать их на своих участках.

И уже вскоре во многих местностях крестьяне активно разводили картофель в собственных и барских хозяйствах.

Ежедневно мы варим, жарим, тушим картошку, печём пирожки, сдабриваем блюда душистыми приправами, заправляем салаты подсолнечным маслом... Ранней весной дарим любимым женщинам охапки хрустящих тюльпанов... По утрам радуем себя чашечкой ароматного кофе... Катаемся на коньках и радуемся, как дети... Курим сигареты, находя в них удовольствие, от которого не можем отказаться... Кладём под новогоднюю ёлку обязательный атрибут праздника – мандарины... С каждым годом увеличиваем продолжительность жизни, борясь с возбудителями болезней...

И не задумываемся, что не так давно, всего 300 лет назад, прогрессивный царь, истинный патриот Пётр Великий прорубил маленькое «окно» в Европу, чтобы сделать Россию сильной, развитой и цивилизованной страной.

Янтарик и Янтаринка

Эта история произошла в те далёкие времена, когда на нашей планете всё было по-другому.

Ещё не было на Земле тех растений, что мы видим сейчас, и тех животных, к которым мы привыкли. Не было и самого Человека. В тёплых вязких болотах, покрывающих землю, квакали огромные пупырчатые жабы. Они лениво переползали с кочки на кочку, и там сидели неподвижно, выпучив огромные глаза. Длинными липкими языками ловили они пролетающих мимо комаров и мух. А насекомые тогда тоже были гигантскими и напоминали игрушечные вертолётчики или дроны.

Деревья не имели ни малейшего сходства с современными. Они никогда не цвели и никогда не давали плодов и семян. Древовидные папоротники с прямыми длинными стволами и пучком листьев на верхушке, напоминающих пушистые перья, очень плохо держались в топях и часто заваливались в трясину, распугивая ничего не понимающих лягушек и тритонов.

Ливневые дожди заливали Землю и не давали воде испаряться.

Такой была наша планета сотни миллионов лет назад.

Но однажды на Земле произошли перемены. Всё началось с того, что твёрдые слои планеты ожили, начали перемещать-

ся и налегать друг на друга. Как слоёный пирог. Представляете, какой грохот стоял! Так образовались горы со скалистыми утёсами. Горные хребты выросли прямо из-под земли и отвоёвывали территории, ранее занятые болотами.

Пришлось растениям и животным тоже изменяться и научиться жить на безводных территориях, в горах и даже на голых скалах. Папоротники со своими слабыми корнями для этого не годились. Они продолжали жить только на тех участках, где осталась вода. На Земле стало сухо, и нужно было научиться экономить воду. Вскоре папоротники уменьшились в размерах и уступили место новым растениям.

Новые животные обрели сухую кожу, покрытую чешуйками и щитками, а растения – сильные корни и листья-иголки. А ещё у этих растений появились семена.

В низинах поселились ели, а на горы взобрались сосны. Все эти растения называли хвойными за хвою – листья, превратившиеся в иголки и способные экономить воду и использовать её только по необходимости. Благодаря этой своей способности они стали вечнозелёными.

Вот такой стала наша планета! Это тоже было очень-очень давно – десятки миллионов лет назад. А Человека на Земле по-прежнему всё ещё не было.

Упало как-то семя, принесённое сильным восточным ветром, на горный склон, и выросло из него могучее дерево. Стояло оно одно-одинёшенько, зорко оглядывая окрестности, на страже лесного порядка. Все деревья вокруг уважали

грозное дерево, побаивались и не решались подойти к нему близко.

Опечалился богатырь – был он сильным и выносливым, мощные корни его пробирались между камнями и укреплялись так, что даже самый сильный ураган не мог пригнуть ствол к земле или сломать ветви. И вместе с тем был он глубоко несчастным в своём одиночестве. Душа его была звонкая и солнечная. И когда на дерево падали солнечные лучи, оно светилось изнутри золотистым цветом. За это качество его прозвали Янтариком.

Янтарик никак не мог понять, почему рядом с ним никто за много лет так и не поселился, почему все остерегались его и не хотели с ним дружить. Неужели грозный вид был тому причиной?

«Разве можно делать выводы на основании одного только вида? Никто даже не попытался поговорить со мной и узнать меня лучше», – так размышлял Янтарик. И ему становилось ещё грустнее. «Если не найдётся кто-нибудь, кто скрасит моё одиночество, я просто умру от тоски», – решил он однажды и начал молиться.

Он молился своему растительному Богу и просил матушку Землю прислать ему утешение, и его молитвы были услышаны. Вновь подул холодный восточный ветер и принёс с собой семя с лёгким крылышком. Оно долго кружилось, опускаясь на землю, и приземлилось совсем рядом с Янтариком. Прошло немного лет и выросло стройное, гибкое и такое же

высокое деревце.

И когда Солнце поднялось над горизонтом и коснулось лучами горного склона, деревце засветилось золотым светом. И Янтарик, увидев это, сразу понял, что оно послано ему Богом. «Янтаринка! Моя Янтаринка!» – воскликнул он и протянул навстречу подруге могучие ветви.

Янтаринка ответила ему поклоном и весело зазвенела. Так родилась их любовь!

С тех пор прошло много лет. Янтарик и Янтаринка жили очень счастливо. Они вели долгие беседы, касаясь ветвями, а в трудные времена поддерживали друг друга. Свет их любви и счастья озарял горный склон, и всем, кто здесь жил, было спокойно и радостно.

Однажды вновь раздался оглушительный грохот, и земля вздыбилась. Горы вдруг начали опускаться вниз, а предгорные равнины подниматься вверх. Огромная трещина расколола горный хребет и начала, извиваясь, точно змея, ползти по земле. Она очень быстро приближалась, и Янтарик с Янтаринкой с ужасом наблюдали, как она пролегает между ними. С каждой минутой расстояние увеличивалось и вскоре превратилось в глубокую пропасть.

Сколько не тянули деревья друг к другу ветви и не зывали о помощи, всё было напрасно. Вскоре влюблённые были так далеки, что перестали видеть друг друга. Пропасть между ними заполнилось водой, и образовалось море.

Янтарик и Янтаринка оказались на противоположных бе-

регах и залились от горя слезами. Слезы их были смолистыми и блестели на солнце золотыми каплями. Капли стекали по стволам и застывали.

Прошли годы, а Янтарик и Янтаринка всё плакали и плакали, роняя золотистые слёзы в морскую пучину, и горе их было безутешно. Поняв, что уже ничего нельзя изменить, они в последний раз протянули навстречу друг другу ветви и упали в бездну. Волны долго баюкали их и наконец приблизились к берегу. Там они и обрели вечный покой.

Прошло ещё несколько миллионов лет. За это время на нашей планете всё изменилось. Появился и Человек. Землю населили птицы и звери, цветы невиданной красоты украсили планету. Многоголосьем наполнились леса, луга, степи. Разноцветьем раскрасились. Стало на Земле радостней и веселее. Только морские волны по-прежнему набегают на берег, вынося на него всё новые и новые следы прежней жизни.

Однажды после прилива на белом песчаном берегу зазолотились два камешка. Они были ярко-медового цвета и совершенно прозрачными. Солнце посмотрело на них сверху и, опустив тонкий луч, зарядило своей силой и энергией. И как по волшебству янтарные камешки вдруг засветились и озарили всё вокруг светом любви и счастья. Они узнали друг друга. Это были слезинки Янтарика и Янтаринки. Всё, что от них осталось.

Янтарные капельки теперь были неразлучны. Они-то

и рассказали мне эту историю, как только я достала золотые серьги из бархатной коробочки и вдела их в уши. А я услышала и рассказала вам.

Любовь и счастье – никогда не исчезают бесследно. Они лишь изменяются. Помните об этом!

Я такое дерево...

Навеяно Михаэлом Таривердиевым

Я дерево...

Да, скорее всего, я просто дерево...

Я такое дерево...

Мой ствол непоколебим. Я страж, защищающий природу. Мои ветви, словно руки, простираются к небу. Я хочу обнять солнце и впитать его мощную энергию, чтобы передать вам. Мои листья зеленеют весной, наполняя воздух ароматом новизны и начала жизни. Осенью они ложатся к вам под ноги разноцветным ковром и, шурша, вызывают ностальгию. Заставляют думать о вечном. Так рождаются ваши стихи...

Я расту медленно, но уверенно, прочно укореняясь в земле и питаясь её живительными соками. Моя кора устойчива к бурям и ветрам, как и моя душа к жизненным испытаниям. Я дарю тень и укрытие тем, кто ищет покой и покровительство под моей кроной.

Я чувствую каждый толчок земли, каждую каплю дождя. Тому, кто коснётся рукой моего ствола, я передаю неровное земное сердцебиение. Теперь вы начинаете воспринимать мир вокруг как часть себя, как драгоценный подарок, который нужно беречь и сохранять.

Я такое дерево...

Я горжусь своей силой, прочностью и красотой.

Я несу в себе энергию природы и мудрость веков.

Я готова подарить её миру, чтобы он стал добрее и светлее.

Я дерево, а значит, я сама жизнь...

Я такое дерево...

Мотылёк

Мотылёк, увидев однажды яркий свет лампочки, не смог отвести от него взгляда. Лампочка была простая, обыкновенная, висела на шнурке. Не было даже абажура, который сделал бы лампочку гораздо привлекательней. Однако мотылёк был сражён красотой этого света, поскольку сравнивал его с солнечным, однажды при рождении увиденным и хранившимся глубоко в складочках памяти.

Это был ночной мотылёк. Как известно, все мотыльки от рождения блёклы и невзрачны. Этому же природа одарила невероятной особенностью. При свете лампочки его крылышки начинали переливаться всеми цветами радуги. Мотыльку завидовали многие, тихо шептались, обсуждая красоту его платяца. А глупый мотылёк старался изо всех сил выглядеть ещё прекраснее, чтобы порадовать других.

Его любовь к лампочке становилась всё сильнее, он и во сне видел только лампочку, раскрашивающую его крылья волшебными красками. Каждый вечер расстояние между мотыльком и лампочкой сокращалось, и чем меньше оно становилось, тем ярче были переливы на крылышках.

И вот однажды, забыв об опасности, мотылёк, порхая в мечтах, прикоснулся к недостижимому источнику света... Крылья его свернулись, опалённые огнём любви, и мотылёк замертво упал на землю. Расхохотались другие мотыльки,

порадовались. А мотылёк горько плакал и сплёл из своих слезинок кокон, в котором поселился и живёт до сегодняшнего дня.

Только радуга на небе стала появляться всё реже и реже...

Вот и не верь рыбацким суевериям...

– Ну что? Не клюёт сегодня! – послышался голос Чуркина, и через несколько секунд в потёмках появился его силуэт.

– Не клюёт! – разочарованно ответил Петушков. – Невезучий я! В какие-то веки выбрался порыбачить, и на тебе – облом!

– Пойдём-ка к огню! Комарьё одолело, да и зябко становится, – Чуркин накинул на плечи другу куртку. Сам закурил.

Усевшись у костра, пошевелили затухающие угли, подбросили сухих веток, налили из котелка крепкого чаю. Чуркин достал из рюкзака несколько картофелин в мундире, нарезанную кружками колбасу, два огурца и пучок зелёного лука. Петушков развернул газету: там оказалась булка бородинского, несколько ирисок и... банка кильки в томате.

– Ты с ума сошёл! Разве ты не знаешь, что брать на рыбалку рыбу категорически запрещается! Вот поэтому и не клюёт! – Возмущению Чуркина не было предела.

– Я забыл... – начал было оправдываться Петушков. Потом схватил банку и зашвырнул её в воду. В темноте раздался громкий всплеск воды.

– Теперь уже ничто не поможет... – Чуркин подул на горячий чай, сделал несколько больших глотков и задумался. – Что я Верке скажу! Опять не поверит, что я на рыбалке

был. Каждый раз скандалы устраивает. А я без рыбалки жить не могу. Слышал, говорят, что рыбалка – это не увлечение, а образ жизни? Так это про меня!

Петушков молча жевал хлеб и колбасу, чувствуя себя виноватым. Солнце резко упало за горизонт, и стало совершенно темно. Только всполохи озаряли лица двух неудачников.

– Мужики, что приуныли? – со стороны воды раздался какой-то искусственный женский голос. – Спасибо вам за подарок! Килька у меня отродясь в реке не водилась! Вот радости будет мои рыбёхам! Пир сегодня закатят! А вы уж извиняйте – улова не ждите.

Рыбаки со страху не могли сдвинуться с места.

– Да вы не бойтесь! Это я, русалка!

И вот она уже возлежит у костра и влюблённо смотрит на Чуркина и Петушкова. И рыбий чешуйчатый хвост не помеха. Волосы длинные, переплетены водорослями и отливают зелёным. Глаза янтарные. Грудки – белыми холмиками. А голос, как струна на расстроенной гитаре, вибрирует.

У мужиков дар речи начисто пропал. Сидят и только глаза таращат.

– Ладно! Мне с вами особо здесь лежать некогда – дела! А чтобы твоя жена поверила, – русалка обратилась к Чуркину, – и чтобы у тебя остались хорошие воспоминания от сегодняшнего дня, – она улыбнулась Петушкову так, как никто никогда ему не улыбался, – будет у вас к утру рыба! – И она исчезла, как и не бывало её.

Мужики даже головой потрясли. Привидится же такое!

А наутро там, где русалка возлежала, стояло полное до краёв свежих карасиков, окуньков и пескарей ведро, прикрытое водорослями.

...Никто рыбакам не поверил. Думали, что клёв хороший был! Про место это все хотели узнать, где столько рыбы водится.

Верка Чуркина в лоб поцеловала. А Петушков русалкину улыбку забыть так и не смог.

Александр Анюховский

Сенокос

Укрываясь за шторами окон
В полумраке, давящем на грудь,
Влезу я в свой поношенный кокон
Из тоски, не дающей уснуть.

Мысли снова в далёкое детство,
Лишь закрою глаза, уведут.
Где достались мне будто в наследство
И покой, и душевный уют!

Там мой дед запрягает телегу,
Лошадь еле послушна в жару,
Ей бы воли приятную негу,
Исккупаться в росе поутру.

Но поспело душистое сено,
Разнотравьем богат сенокос.
И везёт нас лошадка смиренно,
Рядом верный лохматый наш пёс.

Надо мною бездонное небо
С лёгкой дымкой седых облаков.
Оттолкнуться и птицею мне бы
Полететь над раздольем лугов.

Лёгким ветром коснуться верхушки
Старой ивы у тихой реки,
Помолиться у бывшей церквушки,
Что стоит ещё всем вопреки.

Окрик деда и «падаю оземь»,
– Что, внучок, замечтался опять?!
И смеётся хитро, пока носим
Трав сухих драгоценную кладь.

Ну а после в саду, при закате
Нас бабуля покличет к столу...
Ангел мой в васильковом халате,
Как же я тебя сильно люблю!

Осенние листья

Мой город осенний всё так же красив,
Хоть грусти в душе и добавилось малость,
Но кружатся листья под вальса мотив,
На ветер не злясь за невинную шалость.

Ковром золотым расстилаясь потом
Под ноги прохожих, спешащих куда-то,
Всё шепчутся листья о счастье былом —
О лете, что было в их жизни когда-то!

И как укрывали под кроною в зной
Усталого путника сонной прохладой.
В воде отражаясь, гордились собой.
И зелень наряда казалась усладой.

Теперь же в погожие редкие дни,
В преддверии холода дальней дороги,
Так радуясь солнцу, танцуют они
Свой вальс, позабыв все земные тревоги!

Тобой живу

Тенистый парк, мой старый друг,
Встречает летнею прохладой.
Душевный тяжкий мой недуг
Заменит лёгкою усладой.

Гуляю нынче не спеша,
Шаги незвучны и тоскливы.
Страницы жизни вороша,
Ловлю забытые мотивы...

Вот первый раз (таким же днём)
Мы здесь с тобою повстречались
И, оставаясь под дождём,
Гуляли, за руки держались.

Старинный парк нас обвенчал,
Невестой ты была прекрасна.
А я тобою жил, дышал,
Любил и грезил ежечасно!

Не знали оба мы тогда,
Бросаясь в омут «дикой» страсти,
Что счастья яркая звезда
Сгорит, рассыпавшись на части.

Но в сердце тлеет уголёк
Любви, питаемый надеждой...
И значит, я не одинок —
Живу тобою, как и прежде!

Летним днём убегу от зноя

Летним днём убегу от зноя
В чащу леса как в мир иной,
Где из запаха трав настоя
Выпью я от души с лихвой.

Утону в океане красок,
Растворюсь в щебетанье птиц...
Здесь не нужно личин и масок,
Здесь не знает душа границ.

Божьей Славы лучи на землю
Ниспадают дорогой в Храм.
Его слышу, Ему я внемлю
Своим сердцем, разбитым в хлам!

Весеннее настроение

Встало солнышко, смотри,
Над зелёным полем,
Ты окошко отвори
Лучикам весёлым.

Залетят, во двор маня,
Солнечные зайки,
Где уж песнями звенят
Воробьишек стайки.

Вот спустилась на цветок
Пчёлка дружных пара:
Заготовить надо впрок
Сладкого нектара.

Беззаботна и легка
Бабочка белянка.
Ей знакома до листка
Пёстрая полянка.

...Для тебя весь этот мир —
Яркий и прекрасный.
Словно нежный кашемир —
Бархатно-атласный.

Утро женщины

Случайно подслушанный женский разговор

Прикрыв тихонько двери за собой,
Чтоб не тревожить сон мой на рассвете,
В заботы окунулись муж и дети,
Оставив вожделенный мне покой!

И наслаждаясь мягкой тишиной,
Укутавшись в неё как в одеяло,
Ход времени уже не замечала,
Паря в мечтах над бездной голубой.

За шторами проснулся новый день,
Заснеженный, холодный и сварливый —
Он шёл своей походкой горделивой
С федорою*, одетой набекрень.

Я с ароматным кофе тет-а-тет:
Теплом его заботливо согрета...
Истлевшая печаль, как сигарета,
Упала серой пылью на паркет!

*Шляпа-федора, или просто федора (англ. fedora) —

шляпа из мягкого фетра, обвитая один раз широкой лентой.

Я хочу

Я хочу на Земле моей мира,
Неба синего с аистом белым.
Чтобы ветер – шалун и задира —
Всё игрался бы колосом спелым.

Чтобы красок цветная палитра
Разливалась широко и звонко,
Чтобы солнышка лучик нехитро
Заставлял щурить глазки ребёнка.

Если слёзы, то только от счастья:
От того, что любимые рядом!
Когда вместе – отступят ненастья,
Лёд растает под ласковым взглядом!

«Милая, красивая...»

Милая, красивая,
Нереально нежная,
А душа твоя —
Ширь морей безбрежная!

Будто в небе звёздочка —
Яркая, далёкая...
На тебя смотрю:
Грустный, одинокий я!

Подснежник

Февраль лишь только за порог,
А с ним зимы холодной скука.
Как будет рад такой разлуке
В снегу пробившийся цветок.

С надеждой смотрим на восток,
Где солнце вот уже теплее.
И мы становимся смелее,
Как тот подснежника росток.

Не давит больше потолок.
Нам неба синь, как купол Храма:
К нему всё тянется упрямо
В молитве кроткой лепесток!

Пустыри

И вновь сойду на дальнем полустанке,
Где тёплый ветер в кронах шелестит.
Как будто в речку прыгая с «тарзанки»,
Я снова в детство делаю кульбит.

Среди полей ведёт меня дорога.
Нетерпелив мой шаг, чтоб поскорей
Вновь стать у обветшалого порога,
Нажать щеколду стареньких дверей.

И надышаться счастьем в полной мере
Среди родных и близких мне людей.
Уйдут, как сон, невзгоды и потери,
Растает грусть бессмысленных ночей...

Но вот стою, и ком спирает горло:
Порога нет и старенькой двери.
Безжалостное время тихо стёрло
И унесло, оставив пустыри.

Пустырь в душе. Пустырь, где была хата.
Лишь кладбище на горке вдалеке.
Иду туда неспешно, виновато,
Сгорая в неуёмнейшей тоске.

Елена Полещикова

«Счастье можно измерить, а у горя нет дна...»

Счастье можно измерить, а у горя нет дна.
В этом можешь мне верить – убедилась сама.
Неба нет, горизонта, лишь белёсая мгла,
И душа вся в наростах – словно льдом обросла.

Чёрно-белая гамма то снегов, то дождей,
Безысходность и драма, горький запах свечей.
Обречённость в звучании слов «навек», «никогда»,
Покаянные слёзы, боль, молитва, беда...

«Мы просто не умеем жить...»

Мы просто не умеем жить,
Чтоб не скучать и не хандрить,
Себе проблем не создавать,
Друзьям почаще помогать,
Чтоб думать, прежде чем сказать,
Чтоб благородно поступать,
Чтоб не обидеть, не забыть,
Не опоздать, не подводить,
Чтобы беречь и созидать,
Не врать, не льстить, не предавать,
Чтоб дожидаться и ценить...
Мы просто не умеем жить.

«Наша жизнь в основном МОНОТОННА...»

Наша жизнь в основном монотонна,
А конкретней – довольно сера.
И когда появляется кто-то,
Чья расцветка пестра и ярка,
Появляется райская птица,
Отличаясь от сереньких масс,
То за жизнь её поручиться
Я б, наверное, не взялась.
Слишком зависти много у серости,
Страха, что им такими не стать.
Так что райскую птицу убили бы
Иль прогнали, чтоб не ревновать.
Лишь немногие ею любят,ся,
Себя мысленно теша, что вдруг
И у них что-нибудь образуется,
И они войдут в избранных круг.

«Жизнь соткана из множества контрастов...»

Жизнь соткана из множества контрастов:
Сиянье дня сменяет сумрак ночи,
Непредсказуемы природы выкрутасы —
Восторгов и опасностей источник,
Любовь и ненависть, добро и зло, печаль и радость,
Провал и окрыляющий успех,
Задор и бесконечная усталость,
И грустный юмор, и сквозь слёзы смех,
Вопросы и ответы, ложь и правда,
Сомненья злые между «да» и «нет»,
С тревогой ожидаемое «завтра»
С учётом опыта минувших зим и лет,
Надежды и несбыточность пророчеств,
Предательство и верность, явь и сон,
Толпа, что состоит из одиночеств,
Везенье редкое и подлости закон,
Забвение и память, ум и глупость,
Пустые и весомые слова,
Ничем не маскируемая грубость.
И доброта, что не всегда видна...

«Как мы скупы на добрые слова ...»

Как мы скупы на добрые слова —
Слова любви, поддержки, восхищенья,
И как жестока может быть молва,
Как мы зависим от чужого мненья.

И как страдаем в тишине ночной
От мимолётных горьких впечатлений,
И как неожиданно и пугающе порой
Нас посещают сотни откровений.

Жизнь видишь как билет в один конец,
И сквозняком пронизывает душу
От невозможности догнать, вернуть, успеть
И ощущения, что сам себе не нужен.

«Не хочется ни думать, ни писать...»

Не хочется ни думать, ни писать.
Я балансирую на грани сна и яви.
Так скроен человек, что перестать
Жить прошлым может он едва ли.

Внутри надрывно ноет пустота,
Вокруг клубится суета мирская.
Жизнь нас разводит, ставя часто на места,
Которые не нам предназначала.

Нас постепенно заедает быт,
Проблемы наши планы разрушают,
Любви и пониманья дефицит
Рождает комплексы, желанья угасают.

И происходит обрушение души,
И множится убийственная скука,
И призрачного счастья миражи
Терзают, как напрасная догука.

«Мы были молоды, дерзки, амбициозны...»

Мы были молоды, дерзки, амбициозны,
Но поубавилось и спеси, и надежд,
Когда мы оказались в мире взрослых,
Переступив невидимый рубеж.

Мы быстро поняли, что тут свои законы,
Что этот мир не очень справедлив,
Что ставит он талантливый препоны,
Жестоко подавляя креатив.

Жизнь – зона турбулентности тотальной:
То в яму кинет, то слегка подбросит вверх.
И чередует ловко то итог провальный,
То неожиданно достигнутый успех.

И перекраивает полностью сценарий,
Тот, что сама же изначально создала.
А в молодости – свой накал страданий,
И результату каждому – своя цена.

И оставляя нас в плену пустых фантазий,
Осколки наших планов в сор сменя,
Нам строит жизнь насмешливо гримасы,

Изобретательно играя с нами и шутя.

«Любая встреча в жизни неслучайна...»

Любая встреча в жизни неслучайна:
Она нам предначертана судьбой
И срежиссирована явно или тайно
И в срок, известный только ей одной.

Любая встреча в жизни – для чего-то,
Она или награда, иль урок,
Чтоб каждый или вознестись высоко,
Или задуматься над чем-то мог.

Любая встреча в жизни – это опыт.
И чем замысловатее сюжет,
Тем больший отклик в нас она находит,
И мудрость зарождается в ответ.

Напутствие

Не примеряй чужие беды
На плечи хрупкие свои,
Подсказок от судьбы не требуй,
И злое лихо не зови.

Придёт момент, познать придётся
Потерь, измен, обмана боль...
След ран, что опытом зовётся,
Навек останется с тобой.

Живи сейчас, живи сегодня,
Пусть радует любой пустяк.
На свете слишком много горя,
Чтоб тратить сердце просто так.

Отбрось все тягостные мысли,
Печаль с тоскою отпусти,
Не сожалей, не ной, не кисни,
Забудь, не вороши, прости...

Старайся думать о хорошем,
Не омрачай остаток лет,
И помни: ничего дороже,
Чем наша жизнь, на свете нет!

«Я часы перестала носить...»

Я часы перестала носить.
Почему? Слишком быстро бегут.
Всё короче становится нить
Драгоценных спешащих минут.

На часы перестала смотреть.
А зачем? Ни один циферблат
Не позволит продлить, чтоб успеть,
И не пустит вернуться назад.

Я часы перестала хранить.
Для чего, если их не люблю?
Научилась я время ценить,
А оно не щадит жизнь мою.

Елена Игнатюк

Исчезновение планеты Зента

Русский учёный Виктор Николаевич Замятин рассматривал космические объекты в телескоп. Он увидел крохотную точку, которая приближалась к планете Нептун. Астроном предположил, что это может быть астероид, комета или метеороид.

В двадцать пятом веке были побеждены неизлечимые болезни, снижена преступность, значительно увеличена продолжительность жизни человека, стремительно росло население Земли.

Сотни лет учёные всей Земли изучали космос в поисках экзопланеты земной группы. Астрономы, физики и биологи исследовали ближайшие к Земле планеты для создания колоний. На Марсе из отдельных модулей был собран город, где жили и работали люди разных профессий.

Одной из главных задач Замятина являлось создание подробных карт ландшафта космических объектов. Изучение рельефов планет необходимо для выбора посадочных площадок на поверхностях Меркурия, Венеры и Юпитера. Фото и видеокамеры с определённой периодичностью посылали изображения на компьютер профессора.

В течение года учёный продолжал свои наблюдения и предположил, что неизвестное небесное тело может быть осколком планеты, прилетевшей из другой галактики. Про-

ведя необходимые вычисления, астрофизик рассчитал траекторию полёта объекта и понял, что осколок может столкнуться с его родной планетой. Нужно было проводить дополнительные изыскания. Виктор Николаевич включил портативный компьютер, который представлял собой широкий браслет. Замятин записал голосовое сообщение, закодировал его и послал аудиозаявление в Центр исследований космоса. Получив разрешение, учёный вылетел на скоростном самолёте на нейтральную территорию, где находилось здание, которое и снаружи, и внутри было уникальным. Дом, созданный в виде планеты Земля с материками и океанами, странами и реками, представлял собой удивительное зрелище. Расположенный в лесу на большой поляне, он был окружён магнитным полем, которое делало его невидимым для случайных прохожих. Лишь небольшая кабина пропускного пункта серым безликим пятном выделялась на фоне природы. Увидеть великолепное строение могли только двенадцать учёных из разных стран. Им были выданы специальные очки и магнитные ключи, чтобы попадать внутрь. Виктор Николаевич открыл кабину и вошёл в небольшое помещение. Набрав пароль, он подошёл к сканеру сетчатки глаз, сказал распознавателю голоса определённую фразу и вошёл в открывшуюся дверь.

В здании находился огромный макет солнечной системы. Внутри каждой планеты были оборудованы пункты для изучения данного небесного тела и окружающего космоса.

Сотни искусственных спутников разных планет с помощью уникальных камер создавали виртуальное космическое пространство. Замятин подошёл к стойке с электронной панелью, поднёс свой браслет к считывающему устройству и набрал код. Через минуту перед учёным остановилась прозрачная кабина лифта, она приняла пассажира и повезла его к голубой планете Нептун.

Астроном набрал пароль и шагнул в «недра» планеты. Внутри размещался центр управления, специализированная электронная библиотека и жилые комнаты. В центральном помещении Виктор Николаевич встретился с Президентом Французского астрономического общества Полем Моруа. С помощью персонального электронного устройства профессор вывел на монитор компьютера свои расчёты, формулы, чертежи и ознакомил с ними своего коллегу. Необходимо было узнать вес, объём, структуру и скорость вращения осколка, а самое главное, точную траекторию передвижения его в космосе.

Затем коллеги подошли к пульту. Моруа включил экран и открыл карту звёздного неба. Замятин нашёл нужный сектор, на котором можно было увидеть осколок неизвестной планеты. Мужчины сели в кресла, надели шлемы дополненной реальности. Через несколько секунд астрономы очутились на просторах космоса. Они могли перемещаться в пределах карты, отражённой на экране. Учёные попытались рассмотреть объект, но ни одна космическая камера рядом

с Нептуном не смогла передать чёткого изображения исследуемого предмета. Астрономам оставалось лишь ждать.

Прошло десять лет. Космические экспедиции продолжали бороздить вселенную в поисках нового дома для отважных землян. Автоматизированные межпланетные космические аппараты совершали длительные перелёты. С помощью сверхмощных передатчиков и сверхчувствительных приёмников на Землю отправлялись фотографии небесных тел, результаты анализов атмосферы, грунта, воздуха и воды разных планет.

Обеспокоенный Замятин прилетел в Центр исследований космоса. В ближайшее время президенты ведущих государств Земли ждали от учёного точного ответа на вопрос: «Несёт ли неизвестный осколок угрозу землянам?» У Виктора Николаевича в этот раз не было желания любоваться уникальным зданием или совершить прогулку по лесу. Поль Моруа встретил учёного потухшим взглядом. Мужчины опустились в кресла, надели шлемы дополненной реальности и включили переговорные устройства. У человечества, населявшего Землю, ещё была надежда. Учёные приблизились к изучаемому предмету, который действительно оказался неизвестной планетой. Осмотрев её со всех сторон опытным взглядом, Замятин и Моруа с удивлением обнаружили, что планета когда-то была очень похожа на Землю. Атмосфера почти полностью отсутствовала, только на небольшом участке можно было наблюдать туманность. Растительность

была выжжена, вода океанов, морей и рек испарилась, оставив после себя глубокие впадины и овраги. Остаток планеты словно был испещрён шрамами. Кое-где виднелись строения полукруглой формы. Учёные собирались возвращаться к реальности, но Виктор Николаевич уговорил коллегу рассмотреть участок планеты с туманностью. Приближая, удаляя и передвигая изображение карты на своих шлемах, исследователи нашли нужный угол обзора. Они смогли увидеть часть поверхности изучаемого объекта под остатками атмосферы. Перед взглядами учёных мужей возник космический корабль обтекаемой формы. Зафиксировав увиденное, коллеги сняли шлемы и закончили своё необычное путешествие. Исследователи были поражены. Впервые человечество столкнулось с внеземной цивилизацией.

Замятину было разрешено пять дней находиться в Центре исследований космоса. Внутри модели каждой планеты были обустроены комнаты для комфортной жизни учёных. Виктор Николаевич весь вечер не находил себе места. Его интересовала судьба жителей неизвестной планеты. Учёные в течение нескольких дней выяснили, что остаток планеты с каждым годом теряет в массе и соответственно меняет скорости вращения и движения вперёд. Астрономы рассчитали примерную траекторию полёта осколка, но требовались специальные исследования. Необходимо было взять анализы почвы, узнать реальный размер небесного тела.

Космолёт, отправленный с Земли на сверхзвуковой скоро-

сти, быстро достиг цели. Опустившись на пустынную местность планеты из аппарата вышли трое космонавтов во главе с профессором Замятиным. Приблизившись к инопланетному космическому судну, учёного и его коллег постигло разочарование. Диковинный корабль был полуразрушен, а его приборы передавали символы в виде ряда вертикальных линий и пробелов разной ширины. Сверхчувствительный прибор уловил звуковые колебания высокой частоты – ультразвук. Изображение и звук время от времени повторялись.

Виктору Николаевичу предстояло заняться расшифровкой. Сделав необходимые видео и аудиозаписи, он вернулся на корабль. Профессор долго не мог распознать звуковой сигнал и не понимал значения прерывистых линий. Он преобразовал ультразвук с помощью акустических волн и получил изображение звуковой волны. Разделил результат на такое же количество частей, сколько было узоров из линий и пробелов. Затем стал накладывать изображение волны на графические рисунки в виде штрихов. Пересечение вертикальных и горизонтальных линий образовали своеобразный орнамент. После долгих попыток профессору удалось составить целостное изображение. Получившийся рисунок он пропустил через прибор, преобразующий изображение в звук. На мониторе было видно, как промежутки в вертикальных линиях стала заполнять звуковая волна. Затем изображение задрожало и стало двигаться. Это было похоже на старинную музыкальную шкатулку, производящую звуки

вращающимся цилиндром и зубцами металлического гребня. Зазвучала мелодия удивительной красоты. Звуки дрожали в воздухе и колебались, прежде чем достигали слуха профессора.

Учёный подошёл к остаткам космического корабля и включил прибор с расшифрованным посланием. Перед Замятинным появилось голографическое изображение астронавта, который на международном языке поведал историю своей планеты:

– В космосе существуют зеркальные галактики, где планеты похожи друг на друга. Формирование двух галактик могут существенно отличаться. Планета Зента миллионы лет назад была точной копией планеты Земля. Но за тысячелетнее существование её жители значительно продвинулись в развитии. Зентяне сначала осваивали земледелие и скотоводство. Затем развивали ремёсла, а спустя столетия стали процветать культура, наука и искусство. Врачевание было основано на использовании лекарственных растений, усмирении чувств больного и упорядочение его мыслей и желаний. Процесс развития механики, электроники, информационных технологий двигался вперёд с невероятной скоростью.

Несколько сотен лет назад наши учёные предупредили, что мы дошли до высшей степени развития. И должны оставить все исследования и открытия, наслаждаться обществом друг друга и не создавать, а созидать. Умнейшие жители Зен-

ты утверждали, что население использовало много природных ресурсов, и люди могут нарушить баланс сосуществования планеты и её жителей. Но самые влиятельные зенты не приняли решение сделать планету независимой от солнца. Ведь осветительные приборы справлялись лучше древнего светила. Так народ смог путешествовать на своей планете, как на космическом корабле, и исследовать другие галактики. С помощью мощных механизмов и ракет планета сошла с орбиты и оставила солнечную систему. Люди нарушили космическое равновесие, и началось разрушение. Развитие Зенты стало двигаться в обратную сторону. Атмосфера стала истончаться. Сталкиваясь с астероидами и метеороидами, планета теряла свои очертания и массу. Растений и животных с каждым десятилетием становилось всё меньше и меньше, жителей стали мучить неизвестные болезни. Народ решил создавать жилища под землёй. Около десяти космических кораблей с людьми разных профессий отравились на поиски нового дома для зентын.

Земляне с удивлением узнали о величайшей ошибке инопланетян. А астронавт закончил свой рассказ:

– Мой корабль затянуло во временную воронку, и я чудом вернулся к своей планете, но увидел лишь фрагмент суши без признаков жизни. Если кому-то удалось расшифровать моё послание к разумным существам, прошу, берегите свою планету!

Виктор Николаевич Замятин и его коллеги вернулись

на Землю. Учёные всей земли собрались на мировой конгресс, чтобы обсудить причину гибели планеты Зента и принять решение о дальнейшей судьбе осколка. Участники собрания внимательно слушали историю планеты-близнеца. Видеообращение последнего жителя планеты прерывалось подробным докладом учёного. Путём голосования приняли решение продолжать наблюдение за движением осколка.

Астрономы с горечью наблюдали, как плывёт на просторах космоса остаток цивилизации. В течение пяти лет небесный объект изменил траекторию полёта, и Земле ничего не угрожало.

Русский учёный Виктор Николаевич Замятин внимательно рассматривал космические объекты в телескоп. Он знал, что в это время частица планеты Зента подлетела на максимально близкое расстояние к Земле. Прежде чем растаять в космосе, осколок планеты ожил, память прошлого возродилась в недрах Зенты. На некоторое время планета стала прежней: с растениями, животными и людьми. Словно перед тем, как исчезнуть, Зента вспоминала и транслировала историю своего существования. Через несколько часов произошла вспышка, и в один миг великая цивилизация исчезла в космосе навсегда.

Гостя из прошлого

Море было беспокойным. Бушующие волны не давали матросам выполнить свою работу. Вода заливала хрупкое судёнышко. Стихия желала показать людям силу. После долгих попыток шлюпка подплыла к скалистому острову. Высокий хромой старик по скрипучей лестнице поднялся на берег. Моряки судна «Бравый» поспешили покинуть опасное место. Стрелецкий остров имел дурную славу. Ходили слухи, что крошечный клочок земли посещали призраки. Но это не пугало старого морского волка, не раз попадавшего в безвыходные ситуации. Матвей Христофорович был реалистом, верил лишь в то, что мог увидеть, потрогать и ощутить физически. Была у старика одна тайна, один день в году, приносивший радость и боль одновременно. Капитан в отставке искал уединения. Оставленный женой и детьми, он слишком долго жил на свете. Тяготился общением с людьми и стремился к одиночеству.

Маяк терпеливо ждал нового зрителя. Высокая башня, словно великан, возвышалась над морем. Старик отворил скрипучую дверь маяка и вошёл в просторное помещение. Винтовая чугунная лестница звала нового хозяина начать подъём, но Матвей не спешил. Разочаровавшись в людях, капитан доверял только морю и всему, что было с ним связано.

– Здорово, старина, – поприветствовал Христофорыч маяк.

Похлопал ладонью по крепким стенам здания, проверил прочность лестницы и стал медленно подниматься наверх. Маяк был оборудован мощной лампой, системой вращающихся линз, оснащён механизмом с тяжёлой гирей. Капитан хорошо знал работу маяков разных типов, прекрасно разбирался в навигации.

На корабле «Бравый» матросы предупредили старика, что остров находится на пересечении меридиана и параллели. Здесь переплелись прошлое, настоящее и будущее. Поэтому некоторые люди могли видеть то, что ещё не случилось или то, что уже давно забыто. Боцман Уткин поведал старую легенду, в которой говорилось, что на Стрелецком острове происходят мистические вещи.

– В полнолуние из избушки не выходи, опасно! – молвил боцман. – И собаку на привязи держи. Не дай бог встретишься с призраками.

Христофорыч только молча кивал головой, зная привычки моряков запугивать друг друга, устраивая проверки на смелость.

Крошечный домик, уютившийся у высокой горы, радушно принял нового постояльца. Доски пола скрипнули под сапогами Матвея, окна распахнулись под порывами ветра, печка молчала, а топчан закричал, словно желал многое рассказать о своей долгой и нелёгкой жизни.

Капитан потихоньку осматривался и обживался. Крошечный огород не мог похвастаться изобилием овощей и зелени. А из пяти саженцев морозостойких яблонь, когда-то привезённых с материка, выжили только три. Эти деревья напоминали старух, согнутых под грузом лет. Неугомонные ветра наклонили стволы деревьев к земле.

Основную растительность Стрелецкого острова составляли сосны, ели и берёзы. Деревья, которые решили пустить здесь корни, крепко держались за скалы, проникали вглубь земли и хорошо помнили всех жителей этого сурового места.

Смотритель маяка обошёл остров, укрепил хлипкие ступени лестницы, что начиналась у моря и поднималась вдоль скалистого берега. Христофорыч обнаружил горную речку с пресной водой и постепенно наполнил бочки живительной влагой.

Вечером старик поднялся на вершину маяка, чтобы зажечь лампу, проверить работу механизма, который каждые три часа необходимо было приводить в движение. Луч прорезал темноту. Свет был хорошо виден с моря даже в туманную погоду.

Тихо текла жизнь смотрителя маяка. Каждый новый день был похож на предыдущий. Но Матвей был доволен. Пёс по имени Штиль поначалу прятался от нового хозяина в лесу, а потом привык. Потянулся к живой душе. С тех пор старик и пёс всегда вдвоём обходили территорию острова. В спокойную безветренную погоду капитан удил рыбу, заки-

дывая удочку с высокого берега. Штиль радостно лаял, приветствуя добычу. С помощью нехитрого приспособления, сделанного из старой бочки, Христофорыч коптил крупную рыбу. Мелкая сушилась на верёвках и дразнила своим запахом голодного пса. Штиль давно привык к рациону зрителя, который преимущественно составляли рыба, консервы и сухари. Раз в полгода приходил корабль и привозил товары первой необходимости.

Матвей не умел сидеть без дела. Он пополнял запасы дров, утеплял покосившийся домик, ремонтировал крышу, чинил одежду, искал яйца чаек в углублениях скал. Изредка с ружьём на плече вместе с верным другом отправлялся в лес охотиться на оленя. Мясо было деликатесом для старика. Но имея уважение к животному миру, зритель нечасто баловал себя мясными блюдами.

Стоя на ограждённой площадке маяка, капитан часто вглядывался вдаль сквозь подзорную трубу. Что он видел на бескрайней морской глади? Кого он ждал? А может, вспоминал свою семью, которую потерял много лет назад? Иногда скупая слеза катилась по щеке, выдавая чувства моряка.

Два месяца прошли спокойно. Пёс признал нового хозяина, но иногда ненадолго убежал в лес или на берег, где вечным сном спал прежний зритель маяка.

Во время полнолуния на исходе третьего месяца старика разбудил громкий лай собаки. Пока Матвей одевался, Штиль порвал верёвку и убежал. Старому морскому волку

был неведом страх. Он зарядил ружьё, вооружился острым ножом и вышел навстречу неизвестности. Вскоре прибежал пёс и, испуганно скуля, прижался к ногам хозяина.

– Ну, что ты, дружок? – тихо произнёс старик, успокаивая животное.

Капитан впустил собаку в дом, чего никогда раньше не делал, а сам стал обходить остров. Море было беспокойным, волны лизали острые скалы. Ветер качал верхушки деревьев. Матвей осмотрел ближайшую территорию и вошёл в лес. Какие-то странные звуки, шорохи и голоса доносились из-за деревьев. Голубой свет луны осветил небольшую поляну, на которой ругались и дрались пятеро пиратов. Рослые, пропахшие ветром, солью и потом, скитальцы являли внушительное зрелище. Старик снял с плеча ружьё и замер, прячась за деревьями, не зная, что предпринять. Напряжение росло внутри моряка. Фигуры незнакомцев были полупрозрачны, а вместо голосов слышались невнятные звуки и бормотание. Много повидал на своём веку капитан, но привидений никогда не встречал. А пираты тем временем закапывали большой, кованый медью сундук, нанося друг другу удары кулаками и произнося ругательства. Из всей компании бандитов выделялся седой старик на деревянной ноге. Он выстрелил три раза в воздух, и команда морских грабителей перестала препираться друг с другом. Христофорыч молча наблюдал. Но видение вдруг исчезло – это луна скрылась за облаками и унесла с собой тайну пиратов.

Моряк запомнил место, где был спрятан сундук и отправился домой. При свете дня Матвей откопал полусгнивший ларь, но он оказался пуст. Видно, кто-то из предыдущих зрителей маяка уже наблюдал за призраками пиратов и воспользовался подсказкой.

Однажды на склоне дня, обходя с собакой остров, капитан поскользнулся на камнях и с криком провалился в невидимое отверстие в скале. На его пути встретилось хрупкое деревце, пожелавшее выжить в трудных условиях. Но оно сломалось под весом моряка. Старик хватался за выступы в темноте, стараясь сохранять спокойствие. Страх – плохой советчик, но именно он включает инстинкт самосохранения. Падая в неизвестность, Христофорыч знал, что ему нужно выжить. Корабль с материка придёт нескоро, а маяк должен работать без перебоев. Зацепившись за острый край скалы, старик крикнул другу:

– Штиль, неси верёвку, быстро!

Пёс вертелся возле отверстия и сразу побежал выполнять наказ хозяина. А глаза капитана постепенно привыкали к темноте. Он взглянул вверх – ночь вступала в свои права, разлив синеву по тёмному небу. Зная, что путь вверх невозможен, моряк стал с большой осторожностью спускаться вниз. И вначале ему удалось удерживать тело на отвесной стене. Перебирая ногами и руками, он медленно опускался вглубь скалы. Внезапно руки соскользнули, и старик рухнул вниз. Опустившись на раненую в молодости ногу, он почув-

ствовал острую боль и потерял сознание. Больше часа старик пролежал без движения. Очнувшись, капитан с трудом сел и осмотрелся. Пещера, в которой он оказался, была небольшой. В центре неё из дождевых капель и утренней росы образовался водоём. Справа низкий свод пещеры исчезал в темноте. С помощью кремня и огнива смотритель высек искру и зажёг трут, а затем ветки сломанного дерева. Костёр осветил небольшой участок, а остальное таинственно скрылось в темноте. Ощупав ногу, Матвей понял, что вывихнул ступню. Он снял ремень, разрезал его на три части вдоль и связал воедино. Привязав самодельную верёвку к больной ступне, старик перекинул свободный конец ремня за сталагмит. Затем Христофорыч, упираясь здоровой ногой и держась за выступ скалы одной рукой, другой резко дёрнул за ремень. Старик не смог сдержать стога, но стопа встала на место. За восемьдесят лет моряк побывал в разных передрягах, сумел выжить в сложнейших условиях, закалил характер и силу воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.